

ПРОФАНАРИУМ - 1

ЮРИЙ СКРИПЧЕНКО



БРАТЬЯ И СЕСТРЫ В РЕЕСТРЕ

/// СТАНЬ ГИПОМ /// СДАЙ ПЛАНЕТАРИЕВ
/// СПЛУЖИ МУРЬЕТЕ /// НАЙДИ
СЕСТРУ В РЕЕСТРЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

18+

Юрий Скрипченко
Братья и сестры в реестре

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Скрипченко Ю. В.

Братья и сестры в реестре / Ю. В. Скрипченко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ты был фанатом осознанных сновидений? Значит, станешь гипнопроходцем — существом, которому доступны все времена и пространства. Только вот из-за этой невинной метаморфозы ты потеряешь сестру-близнеца. Затем познакомишься с кем-то, кто выдает себя за разумную нейросеть. А дальше застрянешь в будущем, пытаясь решить свои и его проблемы. Запоминай по пунктам: стань гипом, не верь нейросетям, избегай суда истории, соверши хроноказнь, сдай планетариев. И тогда, быть может, достигнешь заветной цели. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
1.	6
2.	11
3.	12
4.	15
5.	20
6.	21
Глава 1. Колыбель для кошки	27
Рябая девочка	27
Надежды больше нет	32
Передача в кафе	35
Старикам тут не место	38
Спасибо за подставу	39
Глава 2. Олег и Алина	41
Близнецы-альпинисты	41
Сначала кот, потом жена	42
Гримёр падает на хвост	43
Медуза-убийца	45
Глава 3. Аффект бабочки	53
Элису в подарок	53
Сон становится реальностью?	58
Первая вылазка гипа	61
Ежилец	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий Скрипченко

Братья и сестры в реестре

18+

Внимание! Книга содержит сцены насилия и секса. Все события и персонажи романа вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и ситуациями случайны. Торговые марки и наименования продукции – плод фантазии автора. Роман является художественным произведением, ни к чему не призывает, ни за что не агитирует, ничто не очерняет, потому что создан исключительно в развлекательных целях.

В любом случае, действие романа происходит в будущем, а значит, ничто из упомянутого в тексте в реальном мире ещё не произошло.

И как надеется автор, не произойдёт.

Ну что – все готовы бомбить Воронеж?

Тогда вперёд!

Пролог

1.

Свободная Муна-2095

Настройки по умолчанию. Локация: случайная. Точка входа: произвольная. Ключ на старт. Поехали.

Олег Каспер пришел в себя голым на круглой кровати в странном помещении. Оно напоминало огромную чашку, перевернутую вверх дном. Только без дна. Сверху плыли облака, через которые порой проглядывало солнце. Парень зажмурился и снова открыл глаза. Картинка не поменялась.

Лежать было мягко, а на плечах ощущалась тяжесть. Олег посмотрел налево и направо: вот те на! С двух сторон его обнимали обнаженные красавицы, которые уютно посапывали у него на груди. Пахли они чудесно. Чутьочку лёгким потом, чутьочку цветочными ароматами.

Выглядело всё так, будто до того, как мило уснуть, все трое занимались интенсивной постельной гимнастикой.

«Вечно я попадаю к шапочному разбору» – пригорюнился Олег. – «Когда всё интересное уже позади».

Естественно, события, произошедшие до *осознания*, он не помнил. Потому что попросту в них не участвовал.

Обе девушки были фигуристые, сочные, сладкие. От них исходили такие феромоны и эманации, что то, чем мужчины обычно в таких случаях думают, решило проявить негибкую твёрдость.

«Ничего, вот проснутся... Тогда и продолжим... банкет».

Правая девушка напоминала диснеевскую Жасмин – широконогая, с раскосыми глазами и припухшими со сна губами. На лбу у неё красовалась диадема с узором, похожим на греческий меандр. На левой груди (весьма, кстати, объёмной) лежал, покачиваясь в ритм спокойному дыханию, то ли кулон (из тех, что внутри хранят фотографию), то ли часы.

Левая девица, если уж продолжать аналогию, была вылитой Софией. Европейское округлое лицо с высокими скулами, прямой нос и игривый рисунок губ. Олегу почему-то показалось, что глаза её небесно-голубого цвета. Даже во сне она, казалось, оценивает, как выглядит со стороны. На коже девицы Олег рассмотрел бисеринки пота и хищно облизнулся.

Преодолев желание поцеловать соседку, а то и вовсе *вылизать*, Олег, удивился золотистым эполетам прямо на её голых плечах, оценил, как и в первом случае, безупречную фигуру и, чтобы отвлечься от безнравственных мыслей, решил осмотреться.

Их трио лежало на белоснежной кровати посередине внушительного круглого помещения. От её подножия амфитеатром расходились длинные округлые столы – то ли обеденные, то ли для заседаний. Сверху они, наверное, напоминало значок «вайфай». В другую сторону вытянулся ещё один сектор, но на сей раз из основательных кресел, – с каменным основанием и деревянным сидением, – которые тоже были расположены полукруглыми рядами.

В зале больше никого не было.

«Это что ж получается» – озадачился Олег. – «Мы тут чудили на потеху благородной публике?»

Стены были сложены из странного голубого камня, не похожего ни на один известный Олегу минерал. Пол был тоже каменный, но белый.

Вдоль стен курились лёгким дымком высокие вазы – видимо, с благовониями. Неприятный пряный запах щекотал ноздри. На разноуровневых постаментах возвышались экзоти-

ческие деревья и кусты, искусно выкованные из разноцветного металла. Тут и там расположились статуи. Они были облачены в непривычные, но по-своему изящные доспехи. Вместо окон в неглубоких нишах мягко светились витражи. На одном из них накачанный мужик в доспехах душил могучего дракона с извилистой шеей. И герой, и чудище казались утомлёнными, а вид имели скучающий и глупый.

«Одно из двух» – попытожил Олег. – «Либо я здесь крутая шишка, вроде вождя или царя. Либо скоро сюда явятся люди с недобрыми лицами и меня выставят. Возможно, пинками. Вероятно, отправят в тюрьму. А может, на виселицу. Поэтому пусть уж лучше будет первый вариант. Я вождь».

Повернув голову, Олег запнулся о взгляд Жасмин, полный одновременно торжества и обожания.

– Повелитель проснулся! Повелитель больше не спит!

– Хвала Повелителю!

Значит, всё-таки первый вариант. Бить не будут. Это хорошо.

Олега чмокнули в губы сначала справа, а потом, развернув его голову, слева.

Он ответил на второй поцелуй и даже положил руку на зад Софии, усыпанный блёстками, но та отвела шаловливую руку и строго молвила:

– Любая дочь Муны сочтёт за честь отдаться повелителю-триумфатору!

– И даже понести о него, – проворковала Жасмин и провела пальчиком по груди Олега.

Выступили стремительные мурашки.

София укоризненно посмотрела на подругу.

– Так в чём проблема? Вот он я! – поплыл Олег и попытался ухватить за аппетитные попы и Жасмин, и Софию. – Беру обеих!

София игриво шлёпнула Олега по руке:

– Но только в день...

– И в ночь. – снова вклинулась Жасмин.

– Его триумфа! – строго закончила София и вдруг хихикнула. – А он был вчера!

– Сегодня уже никак нельзя. Но ты не печалься, повелитель. Может, массаж?

– Но без всякого там... Мы девушки серьёзные.

Олег, обманутый в самых лучших ожиданиях вдруг разъярился и крикнул:

– Кыш отсюда, наложницы одноразовые!

... и девицы, хихикая, вскочили с кровати. Провожаемые кислым взглядом Олега, они выпорхнули из залы.

Впрочем, наблюдая подпрыгивания сочных грудей, игру ягодичек и струение волос, Олег не выдержал и захохотал под удаляющееся шлёпанье босых ног.

Одежды вокруг не обнаружилось. Обернувшись простыней, Олег сошёл с ложа. Подходил то к статуям, то к вазам, то к витражам. Хмыкал. Тёр нос. Всё было непривычным, как во сне.

Как и всегда в *осознаниях*.

Раздался удар, похожий на звук гонга, и пространство разорвала безумная музыка: резкая, громкая, но при этом ритмичная и монументальная, как марш.

Доносилась она из дверного проёма, противоположного тому, в котором скрылись девицы.

К тому же с неба-потолка заструился колючий холодный дождик.

В общем, Олег зажал уши ладонями и пошёл на музыку.

Ему открылся длинный широкий коридор из бирюзово-синего камня. В нишах, отделанных благородным деревом, трудились музыканты, одетые как статуи в зале. Они и производили весь этот шум. Одни дудели в циклопические волынки. Вторые колотили в барабаны, повешенные на шею. В руках третьих надрывались золотистые трубы.

Всё это производило немыслимую какофонию. Но увидев Олега, музыканты резко замолчали, а один из них, самый крупный, мордатый и бородатый, заревел:

– Приветствуем мисударье Темпоратора.

– Уррра! – заревели остальные.

– Десять утра, – гаркнул второй музыкант, – Пора вставать и приниматься за великие дела!

– Кого вы приветствуете? – переспросил Олег.

– Девятьсот тридцать восьмого темпоратора Муны!

Сзади раздался вкрадчивый ехидный голос:

– Это от слова «временный», сиятельный господин. Временный император. Вы.

Олег обернулся. Перед ним предстала, наверное, самая странная парочка из всех фриков, что он встречал в своих многочисленных *осознаниях*.

На четвереньках сидел чернявый малец в набедренной повязке, с капризным маленьким лицом, будто собранным в кулачок. Поймав взгляд Олега, он сердито твякнул.

Рядом, держа ребенка за поводок, стоял пузатый и низкорослый дядька лет пятидесяти. Он был облачен в гейскую на вид кожаную сбрую и разноцветные шаровары (на каждой штанине золотой нитью вышиты контуры двух планет: одной большой, другой маленькой). Из под шароваров виднелись туфли с длинными, загнутыми вверх носами. На поясе болтались золотистый монокуляр на цепочке, наручники и колотушка сантиметров двадцать длиной. Голову украшала чёрная кожаная фуражка с обмётанной золотыми нитками дыркой на темени. Размером с хороший такой апельсин. В ней виднелась лысая кожа со странной татуировкой: огромным сжатым кулачищем. Лицо собеседник имел кожистое, с тонюсенькой чёрной эспаньолкой, круглыми глазами, подведёнными тушью, и свороченным набок внушительным шнобелем.

– Я ваш министр спорта, культуры и обороны, Тридварац. Прошу любить и жаловать.

«Один раз не тридварас», – подумал Олег, с любопытством разглядывая гражданина. – «Хм, одним разом тут дело точно не ограничилось. Хотя, может, это у него парадный мундир такой. Вечно я о людях плохо думаю».

Мужик отвесил совершенно издевательский поклон, взял Олега свободной рукой под локоток и проворковал:

– Пойдёмте, Темпоратор, в тронный зал, и я отвечу на все ваши вопросы, которых, я уверен, у вас тысяча и один. Не при этих же мужланах беседовать!

Олег попытался освободить руку из потного захвата, но тот оказался удивительно крепким.

– А кто эти люди? – спросил он, предприняв еще одну безуспешную попытку освободиться.

– Служба будильника его темпораторского величества, – махнул рукой с поводком Тридварац. Горе-музыканты гаркнули, подтверждая.

– Будильника?

– Есть ещё службы темпораторского кипятильника, подлокотника, целовальника, цирюльника, опахальника, развлекальника, блюдопробника, вуглудлямассовкистойяльника и тысяча других.

– Совсем что ли в средневековье скатились?

– Да нет. С технологиями у нас всё в порядке. Людей слишком много. А их надо чем-то занять. Пойдемте, Темпоратор. Нам нужно многое обсудить.

И они отправились: Олег в пародии на тогу, которая всё время норовила размотаться и упасть, боевой Тридварац и малец, на четвереньках семенявший на поводке.

– А за что это так ребенка? – поинтересовался Олег.

– Вы про Уца что ли? Вы как с другой планеты свалились, – пристально посмотрел на него Тридварац. – Система воспитания. Детей на Муне держат в строгости. Чтобы чттили авторитет

старших и не превращались в пупов земли. Сначала водим на шлейке в наморднике, потом просто на поводке. А затем они сдают экзамен Тщания, Гордости и Послушания. И – бац – в один прекрасный момент уже полноправные члены общества.

– А кто не сдаст?

– Кому ж охота на тригелевые¹ рудники? – ухмыльнулся Тридварац. – Даже мелюзга это понимает.

Олег покосился на недовольного мальчика, который обежал его слева и теперь заинтересованно обнюхивал его ногу:

– А этот... Он того... не укусит?

Тридварац захохотал и отвесил пацану подзатыльник:

– Нет, парень ученый. Большим человеком вырастет, ручаюсь.

В «Тронный» зал троица шла явно другой дорогой. Олег заподозрил, что его мутный провожатый решил устроить нечто вроде обзорной экскурсии.

Коридор закончился. Попали в круглую комнату – что-то вроде перекрёстка. Подошли к сводчатому проходу, над которым светилась надпись: «Пограничная вертикальная зона. Приготовьте к предъявлению биотату²».

Министр остановился. Олег понял, что их ознакомительное путешествие затянется и поправил импровизированную тогу, всё время сползавшую с тела.

Впереди открывался вид на оранжевый жёлоб, который стремительно уходил вниз.

Тридварац пнул чумазого ребенка, не отпуская шлейки. Тот с воплем укатился по жёлобу вниз. Министр успел плюхнуться на задницу до того, как натянется поводок – и тоже исчез в винтовом спуске.

Новоявленный Темпоратор пожал плечами и последовал примеру. Жёлоб оказался из пружинистого скользкого пластика – скорее необычный, чем неприятный. Короткий спиралеобразный спуск привёл компаньонов к площадке-отстойнику перед серой пластиковой будкой. Слепила неонов вывеска – «Таможня». Внутри восседала старушка-божий одуванчик с устройством в правой руке. Оно напоминало сканер цен из гипермаркета.

Подходили люди, подставляли темя или протягивали к старушке ладонь. Та наводила сканер, и биотату вспыхивали зелёным. Или очень редко – красным.

– Назовите цель вашего межэтажного перемещения.

– Ваша командировка истечёт через двенадцать часов тридцать три минуты.

– Молодой человек. У вас нет прав на посещение тринадцатого этажа. Биотату не может ошибаться. Отойдите в сторону. Или вызову метрополицию³.

– Ребенка на сорок пятый этаж брать нельзя. Оставьте в камере хранения.

Бабуля бормотала вердикт за вердиктом – неумолимая и бесстрастная, как налоговая декларация. Пропущенные через «таможню» устремлялись в нужный им оранжевый жёлоб. Олег вытаращил глаза, когда один из пропущенных уселся в жёлоб и вознёсся вверх. Вопреки гравитации!

¹ Рудники по добыче гелия-3.

² Биотату – высокотехнологичная татуировка, которая содержит знаки отличия, пропуска и биометрические документы. Её наносят на кожу в оговоренных законом местах: обычным людям – на ладони, представителям власти – на бритое темя. Людям искусства – на правую или левую щеку, в зависимости от музыки, которой данный артист посвятил своё служение. Учёным – в центре лба. Некоторые особо заслуженные муняне щеголяют биотату сразу на нескольких частях головы. Это выдаёт в них людей незаурядных, полезных обществу. Что такое биотату с технической точки зрения? Это слой синтетических клеток, совместимых с человеческими, который после нанесения на кожу прорастает в эпидермис. Видимый знак – всего лишь символ отличия. А вот сам массив клеток – своего рода модуль памяти. Они могут принимать две формы, условно 0 и 1 и при специальном воздействии извне менять «полярность». На эти клетки можно записывать данные, а потом считывать специальным биосканером. «Живые» тату ещё используют как удостоверения на право владения и одновременно как активатор для привязанных устройств.

³ Полиция метрополиса (столицы).

Те, кого бабуля заворачивала, с тяжёлыми вздохами возвращались восвояси.

Очередь быстро редела.

Но Тридварац ждать не стал, и вместе с Уцом и Олегом протиснулся к кабинке.

– Эй, следующий должен быть я.

– Вас тут не стояло!

– Что за хамство?

Но рассмотрев Олега, люди замолкали, провожая его уважительными и немного испуганными взглядами.

Бабуля отсканировала макушку Тридвараца. Тату вспыхнуло и погасло.

– Цель вашего межэтажного путешествия? – и вознамерилась внести данные в планшетку.

– Я министр, бабуля. Нет у меня никакой цели. Только прихоти.

– Почему сопровождающий без биотату?

– Это новый Темпоратор. Он в своём праве.

2.

Этаж победившей плоти. Этаж чистого разума. Этаж высот духа. Банно-саунный. Этаж-фудкорт. Этаж-эпатаж. Этаж кинооральный. Этаж-стадион. Этаж коррекции тела. Этаж-ераш – с кривыми зеркалами и цирковой музыкой. Этаж-зоопарк, по которому непринуждённо бродят звери, а люди вынуждены передвигаться в золочёных клетках. Торгово-развлекательный этаж. Парк-кладбище. Этаж-спальный район. Этаж-гетто. Этаж-лаборатория. Производственный уровень.

Они что – всем скопом тут живут и работают, в этом необъятном дворце?

3.

Место, куда попали Олег, его новый министр и ребёнок-собачонка, поражало воображение.

В центре – широченная колонна-ось из всё того же голубого камня. Её, как Сатурн кольца, опоясывают голографические экраны, которые постоянно что-то показывают. Вокруг колонны медленно вращается платформа, похожая на компакт-диск. Она ограничена внешней стеной высотой метров десять с мириадами дверей.

Именно на ней сейчас и стояла троица.

Аборигены выбегали из одних дверей, влетали в другие, что-то бормотали на ходу и вид имели суетливый и ответственный. Мужчины – в шароварах разных цветов и плащах поверх голых торсов. Женщины – в белоснежных тогах и серебристых нагрудниках. Причём размер груди дамам явно льстил. На шеях у многих струились золотые и серебряные ожерелья – в виде полумесяцев или планеты со спутником. Одна женщина, что пробежала мимо Олега, была с диадемой, изображавшей парад планет – почему-то с золотым солнцем посередине.

Некоторые аборигены, наоборот, фланировали без спешки, выгуливая на поводках детей или подростков – тоже в набедренных повязках.

Изогнутая внешняя стена была словно одним большим экраном, на который проецировался... Олег собственной персоной. И еще один человек – с паникой на невыразительном жирном лице. Каспер одной рукой обнимал толстяка под мышками, а другой с выражением порочным, жестоким и торжествующим вонзал ему в глаза золотую вилку. Хищный оскал будущего Темпоратора был незнакомым и пугающим. Звук, что характерно, шоу не сопровождалась.

– Ваш вчерашний триумф, Темпоратор. Между прочим, трансляция собрала рекордное количество просмотров и *мунлайков*. Поздравляю. Вы действительно заслужили успех!

К стене-экрану приблизилась женщина с мечтательным лицом и нажала на левой скуле значок динамика. Из её внутреннего уха послышалось еле слышное бормотание комментатора и бравурная музыка, сопровождавшие трансляцию.

Словно почувствовав взгляд, женщина обернулась и уставилась на Олега со смесью ужаса и почитания на лице. Потом встряхнулась и вернулась к шоу. Новоявленному Темпоратору показалось, что дама опасается стоять к нему спиной.

Вдруг подкрадывается с вилкой в руке?

На бесконечной стене Олег швырял в противника странными гранатами. Тут и там вспухали беззвучные взрывы.

Женщина помялась, и вдруг сделала шаг к Олегу:

– Славься свободная Муна. Темпоратор, правьте вечность и ещё один день. Преклоняю голову и вопрошаю. Заслуживаю ли я чести получить номер вашего телефона?

– Чего? Нет у меня никакого тела... фона. Что это вообще такое?

– Понятно. Все вы одинаковые.

Девица задрала нос и обиженно удалилась. Олег вопросительно покосился на министра. Тот лыбился. Дескать, потом объясню.

Вдруг один из пробежавших мимо резко остановился, нажал пальцем на пятнышко динамика на скуле. Из уха что-то недовольно забормотали.

Мужик выпучил глаза, выронил планшетку, которую держал в руках, и заорал:

– КАК ОШИБКА В КВАРТАЛЬНОМ ОТЧЕТЕ?!!

Замер. Трижды ударил себя по лицу. Подпрыгнул на месте и зайцем припустил к центральному провалу. Но не остановился, а сходу перемахнул через ограждение и с ужасающим воплем полетел вниз.

Через несколько секунд где-то глубоко внизу раздался чавкающий звук.

Олег подскочил к ограждению и посмотрел вниз. Платформы-кольца располагались одна над другой, и были их... сотни. Дно терялось во тьме. Вверх-вниз с деловитым жужжанием сновали непривычные на вид дроны.

Совершенно ничего удивительного!

К парапету подошёл Тридварац с питомцем.

– Не волнуйтесь, Темпоратор. Это актер! Они существа препустые и легко заменяемые.

Олег решил, что ему, пожалуй, хватит, чему-либо удивляться в этом *осознании*.

Задрал голову вверх. Всё-те же платформы-ярусы. Сверху голубая колонна заканчивалась изваянием. Оно представляло собой две длинные руки (одна белая, другая чёрная) с отставленными в сторону ладонями, которые держали две планеты: маленькую и большую. Как держали... Олегу показалось, что геоиды парят над расставленными ладонями.

– Всё верно, нам наверх, – Тридварац потянул Олега к широкой колонне, в которой угадывалась дверь лифта.

К лифту же двигалась тётка в чёрной униформе верхом на необычном механизме. Он походил на поломоино-всасывающую машину⁴ из обычного гипермаркета. Вот только пола касались только щётки. Остальная конструкция с тихим свистом парила в воздухе. Вместо руля у повозки был экран, и Олег заподозрил, что сенсорный, потому что тетка елозила по нему ладонью, и машина поворачивала, ускорялась и замедлялась. У неё был длинный капот с двустворчатой дверцей на носу. На капоте возвышался цилиндр с циферблатами и целым оркестром притороченных поварёшек, шумовок и половников. От цилиндра тянуло чем-то съедобным. Оркестр поварёшек позвякивал при движении.

– На минус пятидесятом размазался? Уже еду, – молвила тетка с прижатой к уху пятернёй.

Двери лифта разъехались. Тётка было направила свою телегу в просторную кабину без очереди, но увидела Олега, остановила машину и пролепетала: «Темпоратор!». После чего, сидя, поклонилась.

Тридварац снова взял Олега за локоток, сопровождал в лифт, и кабина (с совершенно прозрачной стеной с видом на рукотворную бездну) неожиданно быстро рванула вверх.

Вышли на последнем этаже-диске. Вокруг такие же десятиметровые стены-экраны, усыпанные дверями. Такие же перила вокруг центральной круглой бездны. Только потолка нет – прямо как в том помещении, где Олег *осознался*.

Над головой плыли пухлые облачка. Дул свежий ветерок. Дождик, кстати, закончился.

Олег, разинув рот, рассматривал циклопический памятник, который впервые заметил внизу, когда высунулся за границы этажа-диска.

Колонна на верхушке истончалась в две руки: чёрную и белую. Они переплетались, а наверху закономерно заканчивались огромными ладонями, над которыми висели две планеты. Точнее планета и спутник.

Прямо к ним вёл мостик, который заканчивался платформой. Троица во главе с Тридварацем подошла к геоидам, меньший из которых тянул по размеру на пятиэтажный дом, и Олег увидел, что ббольшая из сфер – натуральная копия земли, повторяющая и рельеф суши, и океаны. Она едва заметно вращалась. Парень протянул руку к предположительно Атлантическому океану и почувствовал, как рука уходит в настоящую холодную воду. Жидкость не выказывала ни малейшего желания подчиниться гравитации и стечь вниз, в центральную шахту.

– Если запустить руку поглубже, можно и до шельфа дотянуться, — уточнил Тридварац и повернул рукой на спутнике какую-то особенно высокую гору. В глубине шара (Олег вдруг понял, что это луна, правда, не классическая ноздреватая, а явно терраформированная) непри-

⁴ Серьёзно. Они так и называются

ятно, до ноющих зубов, загудело, и твердь разверзлась двустворчатой дверью. Выдвинулся, обрастая ступеньками, трап.

Внутри луны обнаружилось то самое помещение, в котором Олег *осознался*.

4.

– Велкам, Темпоратор, – пригласил Тридварац, и троица прошествовала в покои. – Тронный зал. Будьте как дома. Но не забывайте, что вы...

Фразу он не закончил, смешинкой подавился.

Министр одобрительно поцокал на разбросанные кругом объедки, улыбнулся пустым бутылкам, которые валялись тут и там. А потом подошёл к ближайшему каменному стулу амфитеатра и, кряхтя, привязал чернявого ребенка к ножке.

Малец тоскливо вздохнул и положил подбородок на сиденье. Но так и остался на корточках.

Министр, позвякивая сбруей, подошёл к темпораторскому ложу. Только сейчас Олег заметил, что изголовье круглой кровати изобилует узорами и барельефами настолько похабными, что их и описывать совестно.

Министр потянул за какой-то зазорный, кхм, *уд.* «Зубное» жужжание повторилось, и изумленный Олег (хоть и обещал себе больше не удивляться) понял, что ложе отнюдь не монолитно. Конструкция с гулом пришла в движение. Сначала в неведомую щель всосало постельные принадлежности. Потом одни модули начали вдвигаться в чрево кровати, а другие выдвигаться. Продолжалось это секунд десять, после чего кровать приняла вид трона – такого же основательного, как и всё в этом странном месте.

– Ваше рабочее место, – указал Тридварац. – Только сначала оденьтесь, Темпоратор.

Министр показал на статуи в доспехах. Олег подошел к одной из них. Выглядели доспехи ладно, были покрыты золочёными узорами, словно родом из тех времен, когда военное облачение выделяло своего носителя из толпы, а не маскировало под куст, холм или бархан.

Олег провел рукой по нагруднику. Он оказался приятным на ощупь. Похож на текстурированный металл, только не холодный. Среди украшений и позолоты виднелись едва заметные границы каких-то лючков – больших и малых.

Посередине нагрудник пересекало что-то вроде замка-молнии, но коснувшись, Олег понял, что она нарисованная. Он машинально провел пальцем вдоль «молнии». Доспехи загнулись и раскрылись как цветок.

Олег снял нагрудник со статуи и не поверил своим рукам. Явно металлическая хреновина ка будто ничего не весила. Он рефлекторно отвёл руки. Доспех остался висеть в воздухе.

Олег повернулся к Тридварацу.

Тот развел руками. Но объяснять ничего не стал.

Олег заглянул внутрь доспеха. Он был покрыт изнутри приятным на ощупь тёмно-синим бархатистым материалом.

– Кхм, – кашлянул Олег. – А на что его надевать? У меня, некоторым образом, дефицит исподнего.

– А прямо на голое тело и надевайте. Конструкцией именно так и предусмотрено.

Олег с сомнением снял со статуи нижнюю часть доспеха, воспользовавшись всё тем же «методом молнии» – пунктир шёл вдоль внутренней поверхности «бёдер». Закрыв поножи тем же жестом.

Потом продел правую ногу в столь хитро собранную из огромного количества модулей-щитков «штанину», что почти штаниной она и ощущалась. Повторил последовательность для левой ноги. Облачиться в нагрудник (впрочем, с рукавами) уже не вызвало никаких затруднений. Как и в ботинки из того же материала. Соприкоснувшись с поножами, верхняя часть ботинка хлопнула и слилась со «штаниной». На месте стыка появилась всё та же пунктирная «молния». Олег оглядел себя и нашел весьма экстравагантным.

Доспехи были невесомые и идеально сидели на теле, будто их подгоняли специально под Олега. Хотя тут такие технологии, что может броня сама «подогналась».

Повернулся на министра. Тот уже занял место за небольшой кафедрой рядом с тронном. На фасаде красовался уже привычный знак – контур планеты и спутника. Кафедра тоже оказалась с сюрпризом – довольно удобным бархатным сидением, на котором уже распластался внушительный зад министра.

Тридварац хлопнул себя по лбу, и хитрым жестом провел по боковой стенке кафедры. Оттуда выехал небольшой ящичек. Министр достал планшетку и вычурное перо на золотой цепочке, положил перед собой и замер, умильно глядя Олегу в лицо.

Тот приосанился и прошествовал к трону.

Осмотрел сиденье. Сел. Положил руки на широкие подлокотники, испещрённые с краю непонятными значками.

Уставился на министра.

Повисло молчание.

Секунд через десять министр заерзал.

– Я уже понял, что вроде как начальник – президент там или диктатор.

– Темпоратор. Человек, временно узурпировавший наш престол, да пребудет вовек Земля в тени Муны.

Так вот откуда это странное слово. Моон. Луна. Но зачем лепить такой странный словесный кадавр?

– Кхм. Тогда, получается, меня наказывать надо, а не на трон сажать?

Олег забарабанил пальцем по подлокотнику. Под пальцами зажёгся золотым огнём какой-то значок, сбоку трона раскрылся люк и оттуда выехало нечто напоминающее зубную щетку в исполнении средневекового палача. Олег отпрянул и отстучал нервную морзянку на сияющем значке.

Вундервафля обиженно всосалась обратно в недра кресла.

«Да что ж у них за «не-влезай-убьёт» такое куда ни ткни» – нервно подумал Олег.

– Наказывать вас? Вы сами друг друга наказываете, – зевнул Тридварац и параллельно разговору принялся что-то строчить пером по планшетке. – Очередного Темпоратора то и дело свергают. Новый казнит старого. Потом неделю зависает с девками и выпивкой. В дела государственных не вникает, министров пинками выпроваживает. А потом приходит банда нового искателя приключений, и всё повторяется. Раз за разом. Скука.

Олег разозлился:

– Не особо уважительный у вас тон, министр.

– Темпоратор, фигура вы, конечно, сакральная и для общества полезная...

Олег схватился за приятное слово:

– Полезная?

– Так точно. Вы, темпораторы, создаёте иллюзию. Кто был никем, тот станет всем. Дескать, от человека, простого человечка, хоть что-то зависит. И он может, приложив усилия, стать великим и заметным. Но власти у вас и таких как вы никакой нет и не предвидится. Ибо неоткуда ей взяться.

Олег напрягся:

– Вы ж министр. Лицо, так сказать, подчиненное. Я, конечно, законов не знаю, границ своей власти – тоже, но лично наблюдал известную простоту нравов. На разных примерах. А если я вас казню? За несоблюдение субординации, например. Или по личной прихоти человека временного и сумасбродного?

Министр оживился:

– На это мы согласны с превеликой исполнительностью. Но, – Тридварац лукаво улыбнулся, – Как будете приводить, так сказать, в исполнение? Лично? Или позовёте кого для... – глумливо провёл себе по горлу, – экзекуции?

И вдруг с выражением максимально усталости на толстом лице продолжил:

– Помилуйте, да зачем вам это? Сиськи-письки я вам обеспечу. Бухло – рекой. Экскурсии, ручканье с бомондом. Балы, красавицы и юнкера, хе-хе.

– А если я хочу править по-настоящему?

– Ну, если вам на месте не сидится... Хотите реальной власти? Давайте подгоню бюджетик. А вы организуете какой-нибудь всенародный праздник? Или карнавал. Только в толпе находиться не рекомендую – обязательно грохнут.

Олег нервно поднялся с трона и зашагал из угла в угол:

– Ладно, давайте с чистого листа. Узурпатор я пока неопытный. Может, введёте в курс дела, кхм, министр?

Тридварац сложил губки гузкой и почесал лоб:

– Спрашивайте.

– Что вообще вокруг происходит?

– Как вы, наверное, уже поняли, мы находимся на Муне – бывшем естественном спутнике земли. В свое время земляши его терраформировали, чтобы, так сказать, снимать пенки в виде полезных ископаемых. Гелий-3, и всё такое прочее. Но колонисты оказались не дураки. Как освоились, сразу послали Землю в известном направлении, – министр прищурился и обхватил пятернёй второй подбородок. – В итоге имеем, что имеем – независимость и самую демократичную демократию из всех возможных. Это когда человек не выбирает неизвестного мудака во власть, а собирает, так сказать, группу единомышленников, вешает на шею оружие и берет эту власть силой. Процесс транслируется на всю планету по визорам и видеостенам. И шоумены целы (до поры до времени), и зрители сыты. Профит.

– И как часто сменяется власть?

– Самый хитроумный Темпоратор, Цезарьгор 187-й месяц продержался. Без одного дня, – Министр хихикнул. – Сначала как и все кутил. А потом что-то напрягся. Погрустнел. Видимо, понял, что его ожидает. Занял под план-схему целую стенку. Во-о-он ту! Листочки с досье наклеивал, нитки взаимосвязей натягивал. Беседовал с министрами. Ходил из угла в угол, всё просчитывал: кто, откуда и как до него может добраться. Цезарьгор 188-й его строительным пистолетом к этой самой схеме и присобачил. Три дня мучился, бедняжка.

– Странно. С одной стороны какие-то оборванцы, с другой – стража. Опять же обороняться легче. Так почему у вас всех темпораторов как клопов давят?

– Великая сила мотивации! – изрек министр. – Возьмём претендентов. Они алчно хотят власти, баб и алкоголя. Ну а стража... Кто ж нормальный пойдёт в гвардейцы, зная, что тебя смогут убить в любой момент? Опять же сражаться с человеком, у которого ты завтра, вполне возможно, будешь подчинённым – это такое дело... А вдруг он злопамятный? Поэтому никто и не рвётся защищать темпоратора. Их ещё будет много, а ты у себя один. Вот гвардейцы во время штурмов и норовят под любым предлогом дезертировать.

С галёрки требовательно тявкнул Уц, но на него никто не обратил внимания.

Потому что в Тронный зал вбежал человек – серый до неразличимости – несмотря на попугайский наряд и пышные украшения. Из разреза на головном уборе выглядывала татуировка, похожая на «крестики-нолики». С единственным ноликом в центральной клетке.

Гость вопрошительно посмотрел на Тридвараца, продолжавшего что-то строчить на планшетке, потом увидел Олега, торопливо склонился в поклоне. Пробурчал:

– Темпоратор. Пусть вовек Земля крутится вокруг Мунь⁵.

⁵ Всё относительно. В каком-то смысле так и есть.

Серенький гость закатил глазки и нажал пальцем чёрный значок – у себя на правой надбровной дуге. После этого замер и принялся сверлить Олега глазами. Тот непонимающе уставился на странного гостя.

Секунд пять ничего не происходило. Человечек с удивлением вылупил на Тридвараца, который в ответ только развёл руками, и вдруг кивнул, сорвался с места и исчез мгновенно, будто его здесь и не было.

– Министр спорта, инноваций, транспорта и закрытых территориальных образований, – прокомментировал Тридварац.

– Это что за пантомима сейчас была? Это он мне телепатировал что ли?

– Так точно, Темпоратор.

– А почему я ничего не почувствовал?

– Скорее всего, потому, что в вас не установлен телофон.

– Так, стоп. У меня уже голова трещит. Расскажите мне об этом... телофоне. Что это за штука такая?

– Странно, что вы не в курсе такой популярной технологии. Уж не из луддитов ли вы? Это которые за жизнь на лоне природы вдали от высоких технологий?

Олег буркнул что-то невнятное.

– Поразительно! Впервые на Муне темпоратор-луддит.

– Так что это за штука такая – телофон?⁶

Тридварац рассказал. Через пять минут Олег почесал макушку:

– Полезная приبلуда. Хм. Я, честно говоря, думал, что высокоразвитая цивилизация примется переделывать человеческое тело, а не расширять его коммуникации. Ну там – механические конечности, синтетическое сердце. Лёгкие, способные дышать в воде. Ну и всё такое прочее.

– А зачем лезть в тело? Большинству людей хватает и базового, гм, набора. Даже с избытком. Здоровье мы научились поддерживать. Старение притормозили. Вот мне, например, дашь семьдесят пять лет?

– Нет.

– То-то и оно. А годам к ста жизнь так надоедает, что люди сами приходят на утилизацию.

– Угу, – пробормотал Олег. Он продолжал мерить шагами обширное помещение. – А скажите, министр, есть ли у вас... у нас какая-нибудь библиотека или архив. Хочу поднять историю вопроса.

– Отчего же. Конечно, есть, – министр выпорхнул из-за кафедры и привычно взял Олега под локоток. – На Земле. Тем более, вы пока не вписали свое имя в историю свободной Муны. Там и впишем.

– На земле? А поближе библиотек нет? На луне, например?

– Так тут совсем рядом.

– Рядом, говорите?

Совсем уже ничего не понимая, Каспер машинально повторил ленинский жест: вложил большие пальцы подмышки, а остальными забарабанил по груди, укрытой кирасой.

Видимо, это запустило некий процесс, предусмотренный заковыристой операционной системой доспехов, потому что сбоку кирасы немедленно открылся лючок. Оттуда выехал кро-

⁶ **Телофон** (смартфон встроенный в организм) – изобретение 2065 года, которое быстро стало среди муний, известных любителей науки и осторожного прогресса, хитом продаж. Устройство состояло из динамика в среднем ухе, крохотного чипа там же и клеточного напыления на левый глаз, которое проецировало дополненную реальность. Управлялся комплекс движением зрачка. На левой скуле значилось биотату в виде телефонной трубки, на правой – в виде динамика. Чтобы принимать-завершать вызовы и подключать звук от трансляции стен-экранов соответственно. Устройство питалось с помощью мини-турбинок с крыльчатками, установленных в артериях человека и крохотных генераторов, а позже – через Прокол Ази-мова. Из научно-популярной книги "Как устроена свободная Муня: люди, общество, технологии", том 7, страница 98.

хотный контейнер. Каспер невольно скосил глаза и обнаружил в лотке необычный круглый тюбик с красным крестом. С явным раздражением он задвинул контейнер обратно.

В этот момент прозвучал ломающийся басок. Это говорил позабытый чернявый шкет, привязанный к стулу:

– Уц обосрался.

Заявление подтверждалось непропорционально большой кучей дерьма.

Министр резво подскочил к ребёнку и оформил увесистый подзатыльник. Словно сочтя, что этого мало, министр макнул мальчика носом прямо в кучу и пнул так, что ребенок пропахал лицом сантиметров сорок белого пола.

Незаслуженно обиженный малец взвыл.

Отвесив еще подзатыльник под веское: «До экзамена со старшими говорить нельзя», министр велел:

– Пошёл в детсарню!⁷

Потом открыл дверь и вышел на платформу перед двумя планетами, поманив за собой Олега.

Повторилась пантомима с поисками выступающих элементов рельефа и зубовный гул. Но теперь уже применительно к большому геoidу. Как и раньше распахнулась неразличимая до этого дверь, и к проёму выросла лестница.

Они проследовали в библиотеку.

⁷ Элемент системы дошкольного образования свободной Муны.

5.

Следующие часы выдались весьма насыщенными.

Сначала Олег в книжище «История Муны» размером с автомобильный капот начеркал ручкой министра что-то вроде *«Темпоратор девятьсот тридцать восьмой Олег Каспер седьмого числа восьмого месяца две тысячи девяносто пятого года навеки вписал свое имя в историю свободной Муны»*.

Сославшись на традиции, министр упрямил приписать ещё одну фразу, которая Олегу совсем не понравилась: «Сим подтверждаю, что готов принять и с честью носить имя Цезарьгор-938 – всю жизнь вплоть до самой смерти».

Я теперь какой-то чёртов изотоп, долго ворчал про себя Олег.

Что странно – буквы он выводил своим корявым почерком, а в талмуд заносились каллиграфически чёткие и красивые строки.

Министр объяснил, что книги тут хоть и бумажные, но непростые. После давнего инцидента, когда в результате некоего катаклизма (Олег не стал вникать) все цифровые носители в мире обнулились, люди перестали им безоговорочно доверять. Эта ручка передает данные в местный интернет, а планшетка копирует данные вот в такие бумажные книги.

Потом Олегу устроили экскурсию по местным достопримечательностям. Ему показалось, что среди встреченных по пути людей мелькнули Жасмин с Софией – серьёзные и при строгом дресс-коде. Потом Олега с церемониями и почестями покормили. Встречу с народом квази-правителю тоже организовали, приведя в помещение, похожее на телестудию – такое же цветастое и бестолковое. Там он часа два общался с голограммами, причем они постоянно сменяли друг друга. Вроде как действие транслировалось на публику. По формату оно напоминало рэп-баттл: собеседники кроют друг друга последними словами («принижают») и явно прутся от этого. Справедливости ради, противники оказались такими матёрыми словоблудами, что Олег слился уже к концу первого часа и вытерпел второй уже на остатках морально-волевых.

Словом, он просто захлебнулся впечатлениями, и, вернувшись в библиотеку, стал листать случайные книги – уже не вчитываясь и толком не понимая написанного. В кучу смешались какие-то прогрессирующие эпидемии, инкапсуляция людей в городах под куполом, терраформирование луны через «всеобщий Реестр» – тут Олег вообще ничего не понял – и исход первых поселенцев на луну-Муну...

Понятной для него оказалась, пожалуй, только экономическая справка – чем Муна полезна Земле. Гелий-3! Две сотых грамма дают энергии столько, сколько содержится в барреле нефти. Этого вещества в лунной коре – пятнадцать миллионов тонн! Такого запаса хватит на пятьдесят тысячелетий!

6.

Вдруг внизу, за пределами библиотеки, что-то бумкнуло, жахнуло, прострекотало, потом зазвенело и посыпалось. В приоткрытую дверь затянуло немного дыма.

Освещение сделалось тревожно багровым. Олег поднял голову: лазурные небеса сменились пульсирующими красными. Сигнал тревоги что ли?

Запахло гарью.

В библиотеку влетел Тридварац с двумя футуристическими ружбайками наперевес и в компании пары испуганных... гвардейцев что ли?

Боевой министр преобразился. Хищной радостью горели глаза его. Лицо разрежала торжествующая улыбка. Брюхо втянулось, и сам коротышка Тридварац как будто вырос. На поясе вместо колотушки и пенсне теперь брякали матовые рельефные шары, в которых Олег заподозрил гранаты.

– Началось, Темпоратор! За тобой идут! Быстро-то как, даже дня не правил.

– Кто идёт?

– Свергатели, конечно.

По спине Олега пробежал холодок.

Передав ему одну из винтовок, Тридварац указал пальцем на каждого бойца, а потом – на диспозицию, которую нужно занять. Гвардейцы ломанулись к двери, чтобы влипнуть в стену по сторонам от проёма. Винтовки они прижали к груди, как часовые.

– Эти еще ничего. Не совсем дубовые, – процедил министр, устремляясь за ними.

Олег на ходу повернулся к министру:

– Не думал, что вы будете меня защищать.

– Защищать? Это дело десятое. Все равно кокнут. Движение – всё. Я ж из боевых голубых. Элитные войска. Самые звери. Любой юнец был готов задницу порвать, чтобы встать в наши ряды. И вот теперь я министр! Сижу на заднице, интригую, жирею. К чёрту! Только свергатели и спасают. Это отдушина. Хо-хо, как я люблю эти минуты!

Они оба уже подбежали к двери. Площадка перед геондом была пуста. Снизу, из пропасти, вынырнул дрон, похожий на стрекозу. Разведка противника? Его глаза и уши?

Тридварац ткнул пальцем в кожух ружбайки. Выдвинулась штука, похожая на катапульту.

Ружбайка метнула в дрон какой-то хитрый шарик, который вклепился в летучую машинку, свистнул, стрекотнул, и она камнем ухнула вниз.

Два бойца перекатились к ближайшему укрытию – каменной клумбе с раскидистыми деревьями – метрах в десяти от входа в луну, прямо перед мостиком.

Тридварац занял укрытие перед ограждением. Олег тоже. Выглянули. Никого. Министр удовлетворенно хмыкнул про то, что гражданские, дескать, закапсулировались, и это хорошо. В этот момент у парапета этажом ниже мелькнула смутная фигура. Министр дёрнул один из шаров с пояса, внезапно приложил к татуировке на макушке, отчего шаг моргнул бордовым и зловеще пискнул, и ловко метнул снаряд на галерею, где мелькнула тень. Шар скользнул по параболе и приземлился на пол. Раздался душераздирающий визг. По этажу со шкворчанием пронеслась волна очень неприятного на вид зелёного огня. Нечеловеческий крик оборвался. Запахло какой-то ядрёной химией и жжёными тряпками.

Министр махнул рукой, призывая следовать за собой. Припустил рысью через мостик. Гуськом пятерка преодолела переправу.

Кабина лифта оказалась на их этаже. Тридварац нажал кнопку, дверь открылась. Толстяк активировал другой снаряд, осторожно положил на пол, нажал кнопку этажа, что располагался под тем, где прокатился зелёный огонь. Лифт с подарком рванулся вниз. Министр зажал уши, открыл рот и зажмурился. Все рефлекторно повторили за ним.

Даже сквозь два перекрытия прозвенело и вспыхнуло так ярко, что Олег повалился навзничь от непереносимого звукоцветового удара. С полминуты он моргал глазами, пытаясь изгнать слепоту и хлопал ртом, чтобы избавиться от непереносимого свиста в ушах.

Тридварац кому-то позвонил, коснувшись татуировки с изображением трубки, совсем рядом с ухом. Ему, видимо, доложили оперативную обстановку.

– Так, в здание вошли семеро. Трех положили охранные системы. Одного – не в меру смелый гвардеец, в спину. Как минимум, двоих уконтрапунил я, – в мареве еще не восстановившегося олегова зрения перечислял Тридварац. – То есть либо нападение отбито, либо еще один засранец где-то скрывается.

Что-то свистнуло. Инверсионный след прочертил пространство, и непонятная штука вцепилась в нагрудник одного из бойцов. Олег увидел, как сантиметровая клякса на броне вдруг раздвинулась, отрастила суставчатые лапки, выпростала бур и ввинтилась в доспехи со стоматологическим звуком. Парень побелел и попытался оторвать гадость от себя. Перчатки скользнули по неведомой штуковине не в силах её зацепить, и она, играючи просверлила броню и вошла в тело с чавканьем и хрустом. Парень заорал на ультразвук.

Задергался. Белки глаз сделались красными, изо рта хлынула кровь. Омерзительный хруст раздался из недр его тела. Через несколько секунд боец выписал немислимую конвульсию, явно порвал несколько связок уже мёртвого тела, и застыл.

Запаниковал второй гвардеец. Он бросил оружие и, завывая, унесся прочь.

Тридварац мастерски взял шею Олега в захват, пристроившись за спиной, и начал пятиться к лестничному пролету сзади. Прикрылся телом Темпоратора, гад. Шипел в ухо: «Не дёргайся!»

Захват был, между прочим, железный, так что Олег не рыпался, а просто пятился.

О стену рядом с головой Олега звякнула, уходя в рикошет пуля – на сей раз, кажется, обычная. Щеку ожгло, но вроде ничего фатального – по касательной.

– Да что за фигня тут творится! Это что за творения больного гения? – фальцетом завопил Олег, имея в виду явно неконвенциональное оружие, которое использовали против них.

Допятились до лестницы. Министр убрал захват, но тут же ухватил Олега за руку. Компания ссыпалась по лестнице. Позади остался один пролёт, второй, третий. На очередной площадке толстяк резко остановился – так что Олег чуть не прилетел лицом в стену. Министр огляделся (стена как стена) и принялся шарить по шершавой, словно из пластика, матово-серой поверхности и снова нажал что-то невидимое. Часть стены утопило вглубь, и она сдвинулась в сторону, открыв темный проём. Министр нырнул вглубь, и Олег не заставил себя упрашивать – метнулся следом. Дверь закрылась. Мрак тут же развеяло лёгкое красное освещение. Они оказались в какой-то подсобке – с переплетением труб, деловитым гудением шкафов, морганием разноцветных лампочек, и змеением скрученных связками кабелей.

– Почему стреляли ЭТИМ? Обычное оружие твою броню не пробьёт, – буркнул министр и принялся возиться со своей ружбайкой, которую сейчас, когда Олег её разглядел, меньше всего хотелось назвать ружьем. Скорее она походила на оружие инопланетного хищника из полузабытого фильма – те же символы в самых неожиданных местах, те же грани, засечки, орнаменты и изгибы. Только вместо одного дула многочисленные соты стволов.

Бурча что-то про хитрого засранца, который сыт принять честный бой, Тридварац нажал на какой-то символ.

Слева на цевье открылся лючок, за которым блеснула линза. Из лучей, которые она проецировала, прямо в воздухе сооткались две серебристые фигурки, в которых Олег узнал себя с министром. Силуэты плавно уменьшились, как будто камера отъехала. Вокруг начерталась трёхмерная проекция стен, препятствий и перекрытий. Где-то вдалеке, на предпоследнем этаже двигалась серебристая фигурка – от препятствия к препятствию. Враг.

– Диспозиция понятна, – решил министр. – Хватит отсиживаться. Командую встречный бой.

Выскочили из подсобки. Олег поудобнее перехватил винтовку – такую же, как у министра. Крадучись по лестнице, они поднялись на предпоследний этаж. Министр выглянул за угол, удовлетворённо кивнул, открыл ближайшую дверь и нырнул в неё. На видеостене шли чрезвычайно широкоугольные «300 спартанцев». Олег себя упрощать не заставил. Повторил маневр. Внутри обнаружилась анфилада комнат с явно офисным – столы, стулья, техника – содержимым. Под столами прятались люди. Министр, глядя на них, приложил палец к губам. Дескать, ни звука. Люди закивали.

Со знающим видом толстяк скользнул к вентиляционной решетке в стене размером почти метр на метр, снял ее и ввинтился в отверстие. Олег последовал за ним.

Запрыгивая ну уступы все новых ответвлений, компаньоны поднимались все выше по вентиляции, пока министр не хмыкнул удовлетворенно и не ввинтился в горизонтальный тоннель. Внутри толстяк стремительно рванул по-пластунски, так что Олег, наблюдая колышущийся зад в шароварах, еле за ним поспевал.

Остановились, когда тоннель привёл их в тесное помещение: снизу вентиляционная решётка, сверху неторопливо вращается двухметровая крыльчатка. Министр аккуратно сдвинул решётку в сторону. Оба вгляделись в пространство внизу.

Свергатель двигался осторожным шагом, зыря по сторонам. Остановился под люком.

Министр напрягся и шепнул:

– Падай на него сверху.

Олег даже не успел отреагировать: враг будто шестым чувством обладал. Он резко сорвался с места и в несколько прыжков оказался за ближайшим укрытием – колонной, торчавшей метра в пятнадцать. Странный архитектурный элемент ничего не поддерживал.

– Ну и ладно! – хмыкнул министр. Он нажал на очередной значок, и диск с дулами сотами на его оружии сдвинулся, открывая значительно большую дырку.

Тридварац выключил голограмму и нырнул вниз. Зацепился за край одной рукой, на весу направил пушку и щелкнул спусковым крючком.

В колонну, за которой засел последний Свергатель со страшной силой лягнулась темная клякса, и сооружение с грохотом рухнуло на врага.

Но подлец оказался ловким как заяц и в последнюю долю секунды стреканул в сторону.

– Давай за мной! – рявкнул Тридварац и разжал руку.

Несмотря на то, что до пола было метров пятнадцать, приземлился он мягко, как-то затормозив падение у самой поверхности.

Олег вспомнил про парящие в воздухе доспехи и нырнул следом, даже не пытаясь выполнить приземление через рол⁸.

Тридварац приставными прыжками ушёл с линии обстрела, поймал в прицел Свергателя, который тоже пришёл в движение, и странная пушка министра выплюнула клубок нитей.

Враг только и успел, что уронить под ноги чёрный шар, пульсирующий красным огоньком, но Олег уже понял, что последствия могут быть абсолютно непредсказуемыми и вполне летальными.

В следующую секунду произошло множество событий.

Граната недобро зыркнула красным огоньком на Олега и по широкой дуге, будто пытаясь обойти с тыла, мячиком запрыгала к нему. Парень успел дёрнуть стволом и без всяких настроек (он их и не знал) выстрелил в гранату, а потом сразу же откатился за ближайшую преграду. Как ни странно попал. Шар, почти успевший допрыгать до него, взорвался.

⁸ Рол – один из приёмов паркура. Используется при падении с большой высоты и представляет собой приземление через пережат.

Лицо ожгло горячим ветром.

Тем временем клубок нитей попал в Свергателя, распустился и резко обвил все тело – так что тот мешком свалился навзничь, звонко стукнувшись затылком о пол.

Олег выглянул из укрытия. Над поверженным врагом, закинув пушку на плечо, стоял пузатый министр. Выглядел он внушительно – даже несмотря на свой гномий рост. Враг грязно ругался и недовольно ёрзал по полу, как гусеница, но занятие это было, прямо скажем, бесполезное.

– Хорошая попытка, Свергатель. Одна проблема – она неудачная.

Олег подошёл:

– И что теперь?

– Прикончи.

– Что?

– Добей.

– Я ж не садист какой – связанного человека!

– Я этого точно делать не буду, это ваши разногласия. А вот развязать могу, – любезно ответил министр и его палец завис над очередным символом на винтовке. – Чтобы вы в честной схватке выяснили, кто настоящий Темпоратор... А кто – мёртвая подделка.

Олег присел рядом с беспомощным врагом. Тот напрягся, покраснел и вдруг смачно харкнул Олегу в лицо. Парень, естественно, озверел и сунул кулаком прямо в морду пленного.

В этот момент министр всё-таки нажал свою пакостную кнопку. Сеть моментом втянулась в министерскую пушку.

Свергатель легко вскочил на ноги через проходящий мостик⁹ и с рыком кинулся на Олега. Противники сцепились, начали колотить друг друга по бокам. Олег саданул лбом в уже разбитый нос врага. Тот устоял и в следующий миг умудрился пнуть Олега коленом по яйцам, отчего тот немедленно сложился пополам.

Стремительный Свергатель схватил с пола свою винтовку и нажал на спуск. Пуля вонзилась Олегу в левую руку, тут же выпустила лапки, и бур вгрызся в плоть.

Такой острой, обжигающей, режущей и невыносимой боли Олег в жизни еще не испытывал – он хрипло заорал, корчась на коленях.

– Последний раз помогаю, – буркнул министр. Он выпустил из винтовочного нутра, полного сюрпризов, полуметровый штык и с оттяжкой отрубил Олегу руку.

У Каспера глаза вылезли на лоб, но здравая сторона рассудка поняла, что немедленно он не умрёт. Министр кинул ему винтовку, которую Олег умудрился поймать уцелевшей рукой.

Рывок вперед, и серебристо сияющий штык, взятый как копье, словно в масло вошел во врага. Кончик лезвия выглянул из спины Свергателя.

Враг разинул рот, но заорать не смог, только с шумом выдохнул воздух. Взгляд его затуманился, и Свергатель под собственным весом ещё глубже насадился на винтовочный штык. Секунду мёртвое тело стояло, истекая кровью. А потом поверженный враг завалился набок и застыл – вместе с винтовкой, торчавшей из груди.

Тяжело дыша, Олег изо всех сил зажал ладонью культю, пытаясь остановить хлещущую кровь. В голове шумело, в глазах плыло.

– Поздравляю, Темпоратор, ты заслужил право пожить еще недельку, – усмехнулся министр, вытаскивая штык из поверженного тела и вытирая его об одежду мёртвого Свергателя.

Сзади раздались аплодисменты. На парящих конструкциях чем-то похожих на детские лошадки-качалки, только не детские и не качалки, восседали четверо незнакомцев.

⁹ Способ вскочить из положения лёжа на спине одним прыжком и без использования рук.

Вперед выдвинулся белобрысый верзила с конским лицом, облачённый в масляно блестящий бордовый доспех и легкомысленный жёлтый плащ. В руках у него появились два ствола, больше похожие на раздутые пистолеты. Тоже с десятком дул.

– Я так не думаю, мисударье бывший, – на последнем слове он сделал ударение, – Темпоратор. Но за отличное шоу спасибо. Мы, – он сделал круговой жест рукой, – оценили. Правда, друзья?

Те одобрительно заржали.

– Но любые шоу заканчиваются занавесом.

«Друзья» восприняли фразу как сигнал, и весь их арсенал разразился залпом в бывшего Темпоратора. Олега не просто изрешетило. Его практически разорвало на куски. Министр кинул совершенно невозмутимый взгляд на то, что миг назад было Олегом, и повернулся к левитирующим убийцам.

Внимательно посмотрел на белобрысого верзилу. Тот выдержал взгляд. Почти.

Трое Свергателей удовлетворенно откинулись на спинки сидений.

А вот белобрысый поступил абсолютно непредсказуемо для своих компаньонов. Чётко и методично, как робот, он вогнал по пуле во лбы троицы. Оседая, они свалились с транспортных средств и улетели в бездну шахты. Огромные каменные ладони за спиной белобрысого, над которыми вращались планеты, казалось, едва сдержались от бурных и продолжительных аплодисментов.

Во время этой сцены никто не заметил, что тело Олега Каспера замерцало, сделалось серебристым и прозрачным, а потом как бы отмоталось назад на ускоренной перемотке: повторило наоборот все движения своего короткого боя со Свергателем, а потом втянулось в вентиляционный люк.

На месте его гибели теперь ничего не было.

– Инемуц я! – горделиво заявил верзила.

Тридварац склонился в лёгком поклоне и с почтением обратился к новому победителю:

– Приветствую девятьсот тридцать девятого Темпоратора Муны. Я ваш министр спорта, культуры и обороны. Тридварац.

Министру вдруг стало нехорошо: закружилась голова, в глазах поплыло, в голове зашумело, а ноги сделались ватными.

– Девятьсот тридцать восьмого Темпоратора Муны? – неуверенно пробормотал он.

Ему вдруг стало очень странно – как будто рябь пошла по волнам памяти.

Что он делал последние часы? Вроде кого-то сопровождал? Но кого? И почему Муна целые сутки была без Темпоратора? Так не бывает. Эти самоуверенные дураки лезут сюда непрерывно. Одного сковырнут, второй заявится.

Нет, это все чепуха, возраст, наверное. Или, может, что-то не то съел. Министр унял горько-кислую отрыжку.

Тридварац помотал головой, прогоняя наваждение, и широко улыбнулся победителю.

– Темпоратор, пойдёмте я покажу ваши новые владения.

И взял приплясывающего от нетерпения новичка под локоток. Из множества дверей выходили, осторожно озираясь, гражданские. Если бы они взяли на себя труд прислушаться, то разобрали бы радостные реляции верзилы о том, что уж теперь-то он разберётся со всем этим бардаком и будет править до седины: мудро, справедливо и во славу прекрасной Муны, да продлятся её приливы и отливы вечно.

Впрочем, проводив новичка в Тронный зал с наставлениями перекусить, отдохнуть и определиться с желаниями на вечер, Тридварац заглянул в планету-библиотеку. На всякий случай.

Записей за авторством девятьсот тридцать восьмого Темпоратора с позабытым странным именем в книге «История Муны» не обнаружилось.

А значит, всё хорошо.
Просто мимолётное помутнение.

Глава 1. Колыбель для кошки

Рябая девочка

Воронеж-2025, 19 мая

Олег Каспер проснулся поперёк кровати на всклокоченной мокрой простыне. Открыл глаза. Под потолком висела такая уродливая и такая знакомая люстра. Конечно же, он дома! Парень вскочил на ноги и сделал несколько упражнений, больше теша молодое здоровое тело, чем в физкультурных целях.

После осознаний он всегда просыпался бодрым, счастливым и полным сил, чем бы ночное приключение ни окончилось. Пусть даже и весьма неприятной смертью – как сейчас.

Впрочем, секунд через десять он словно медленно погрузился в омут, когда яркие краски и светлые эмоции тускнеют, уступая место густой апатии и тоске.

Как и каждое утро весь последний год.

После того кошмара, который он пережил.

И теперь переживает постоянно, пусть уже и не в такой убийственной концентрации.

Как в густом горьком киселе.

Привет, жестокий мир.

Отвратительно ныла, временами постреливая болью, «отрубленная» рука и все те места, которые ему повредили перед смертью в осознании. Такого с ним раньше никогда не случилось – что произошло во сне, остаётся во сне. Никаких последствий!

Почему же на этот раз иначе?

Он придиричиво изучил конечность – видимых повреждений нет. Что и требовалось доказать.

Обдумать эту странность Олег не успел, потому что взглянул на телефон, лежавший рядом, и понял, что опаздывает на работу.

И это тоже была странность – даже будильник на телефоне Олег ставил больше по привычке. Он мог проснуться в любое нужное время самостоятельно.

Сновидения-то его – управляемые.

И ещё он всегда помнил в деталях все события своих осознаний.

Они буквально спасли его жизнь, появившись как раз в тот момент, когда на этом свете его буквально ничего не держало. Стали той дверцей из невыносимого существования, куда можно сбежать.

Куда хочется сбежать.

В реальности – робот, который просто выполняет базовую программу выживания в современном мире. И во снах – герой, что может попасть в любую интересную ситуацию и поступить не так, как большинство людей в реальности – то есть поджать хвост и уползти в безопасную норку, а... как хочет или как считает правильным. Без оглядки на ожидания общества. Без колебаний.

Вот такую свободу дали ему осознанные сновидения.

Олег подошел к календарю на стене и переставил число на сегодняшнее – 19 мая 2025 года. Это стало ежедневным ритуалом, ведь календарь подарила сестра, и Олега каждое утро как магнитом тянуло к нему. Календарь был необычный: из палисандра, круглый, с окошками в три кольца. Стилизован под штурвал. Актуальное окошко было больше остальных, с латунной рамкой. Остальные затенены тёмными стёклышками. Самое большое, внешнее кольцо перечисляло годы, среднее – числа, а внутреннее, самое маленькое, месяцы. Календарь был разграфлён с 1998 по 2090 год. Похоже на годы чьей-то жизни, право слово...

В центре календаря были размещены часы-шторки, похожие на американские будильники восьмидесятых годов. Когда сменялись минуты или часы, шторки со щелчком перелистывались. Героев кино и литературы («День сурка?» – «Дорожные работы?») этот звук, помнится, бесил до невозможности.

Ссутулившись, Олег проследовал в туалет, сделал свои дела и переместился в ванную. Из зеркала на него посмотрел мужчина двадцати семи лет, с волевым лицом и светло-русыми волосами. Чёлка почти доставала до бровей, левая из которых была вздёрнута и перечёркнута шрамом – результат давнего неудачного приземления. Узкие выразительные глаза, волевые губы, ямка на подбородке, самые обычные уши, почти скрытые густой шевелюрой, – Олег Каспер-Наговицын собственной персоной. Откуда только взялась зияющая оспина на правой щеке? Ещё вчера её не было...

Из-за того, что Олег пренебрегал важным правилом осознанных сновидений, и не спал перед погружением обычным сном два-три часа (для восстановления сил), последние полгода организм работал фактически на износ. Олег похудел, обзавёлся кругами под глазами, а руки порой начинали предательски подрагивать. Куда делся поджарый жизнерадостный паркурщик? А вот туда – куда однажды смыло его яркую и счастливую жизнь.

Вернувшись из ванной, он проследовал на кухню, где торопливо сделал бутерброд с маслом и тунцом. Потом навёл растворимый кофе, чтобы тут же всё это употребить.

Быстро оделся, цапнул с тумбочки телефон и уже обуваясь, встретился взглядом с портретом молодой женщины, висящим на стене. Она не была красива в традиционном смысле, потому что сложно быть женственным эталоном, будучи почти точной копией того мужчины, которого Олег каждый день видел в зеркало. Худошавая и подтянутая, она стояла, одетая в чёрную водолазку, под огромным резным пальмовым листом и обнимала себя за плечи. Её спокойный и смелый взгляд был устремлён куда-то вдаль. Явно не на фотографа, а как будто в какую-то бездну.

Олег сглотнул предательский комок, надел щит-маску¹⁰, с лёгкой тоской вспомнил о своем красавце-велосипеде, который томился в ремонте, и вышел из квартиры.

Во дворе чирикал, шелестел и струился задорным ветерком май – тот единственный месяц, когда природа приходит в равновесие и наслаждается балансом между безнадёгой зимы и эйфорией лета. Разве что сентябрь ещё такой. Равновесный.

Сияло солнце.

Двор был окружён оштукатуренными хрущёвками и старыми четырехэтажками из красного кирпича. К одной присоседилась избушка родом будто бы из маленького купеческого городка – с четырехскатной крышей и наличниками на окнах. Рядом с крыльцом курил полноватый полицейский. Естественно, щит-маску он не снял – на улице это строго запрещено. Курил, вставив сигарету в специальный разъем. От полицейского виска струился табачный выхлоп. Выглядело это немного inferнально. Слуга закона помахал Олегу, одноклассник всё-таки.

Взгляд мужчины упал на цветастую детскую площадку в центре двора. По случаю раннего времени она пустовала. Хотя нет. На красной горке, бликовавшей металлическим языком-желобом, сидела девочка лет пяти-шести. Лицо её было неуловимо античным. Ветерок

¹⁰ Щит-маски были разработаны в конце 2022 года как универсальное решение. Это полусфера из прозрачного пластика, которая плотно прижимается к лицу только по своему периметру – за счет полосы из мягкой гипоаллергенной резины. Внизу располагается белый респираторный блок – с пропеллером, крохотным электродвигателем и сменным блок-фильтром. Сверху щит-маски на правом виске есть утолщение. В нём – еще один вентилятор на электромоторчике, который через фильтр выдувает использованный воздух из маски. Таким образом осуществляется прямоточная вентиляция, и маска не потеет изнутри. В утолщении на левом виске – сменный контейнер с антисептиком-аэрозолем, который периодически распыляется внутри маски. При необходимости внутренняя поверхность обрабатывается маленькими щётками-дворниками. Работает система на аккумуляторах. Весной 2023 года щит-маски стали обязательными к ношению (ФЗ №1490) и были выданы населению за символическую плату.

трепал огненно-рыжие кудри. Девочка вцепилась в поручни до побелевших костяшек. Словно хотела скатиться, но смертельно этого боялась.

Она посмотрела на Олега длинным взглядом, словно из другого измерения. Или иного времени?

Щека её была рябой.

Олег вздрогнул, отвернулся и быстрым шагом направился к остановке. Деловито шелестела листва. Жужжали проезжающие машины.

– Дядьолог! Дядьолог!

Его догнала невысокая стройная девушка. Явно смешанных кровей, она могла похвастаться почти негритянски пышной гривой, которая жила своей жизнью. Смуглое с почти правильными чертами лицо всегда улыбалось и отличалось быстрой и очень располагающей мимикой.

Это была Янка, девушка из квартиры этажом ниже. Дитя любви русской студентки и темпераментного араба, который учился на смежном факультете, Яна быстро перестала быть дитём кого бы то ни было. Сначала исчез жизнерадостный папка, получивший диплом, а спустя несколько лет умерла от болезни мать. Иных родственников на всем белом свете у девушки-муваллада¹¹ не было. Яна выросла в детдоме, но впоследствии никогда и ничего о той своей жизни не рассказывала. На совершеннолетие она получила от государства квартиру, которая осталась после старушки-затворницы – тоже одной на всём белом свете.

– Дядьолог! – Янка не отставала. Голос её был глухим из-за щит-маски. – Как вы вообще? А представляете, я вот тут на новые онлайн-курсы записалась. Там такая клёвая тема... – и зашебетала, частя, какую-то фигню, в которую Олег даже вслушиваться не стал. Тело снова кольнуло в нескольких местах, а руку резануло так, что Олег на секунду зажмурился, а потом принялся на ходу её массировать.

После того как случился *кошмар*, Олег надолго заперся дома, где часами сидел, уставившись в одну точку. Днями забывал есть и, конечно, сразу же потерял работу, о чём ему сообщил, срываясь на визг, злой телефон. Тот самый, оставшийся после сестры.

Однажды Янка позвонила в его дверь. Она каким-то сиротским чутьём поняла, что соседу нужна помощь. Девушка была с пиццей подмышкой и тонной новостей, которые просто необходимо обсудить. Затворник совершенно не хотел её видеть, но моральных сил выставить незваную гостью попросту не нашлось. Так и повелась традиция: звонок в дверь, весёлая Янка с общепитом и долгие её беседы с самой собой, пока Олег сидит рядом и отсутствует.

Она раздражала его своим весельем, девичьей глупостью и энергичностью, но постепенно вернула ему... нет, не вкус к жизни, а привычку к ней. Каспер по-прежнему постоянно хотел от Янки избавиться, но почему-то терпел её визиты.

В конце концов идею освоить осознанные сновидения принесла ему на хвосте именно Янка – существо взбалмошное, непостоянное и, конечно же, быстро охладевшее к очередному увлечению.

Они вышли на Плехановскую. Широкая улица, четырёхэтажные сталинские дома, узкие тротуары, чересполосица деревьев, – обычный центр обычного провинциального миллионника.

Янка, вспомнив о чём-то ужасно важном, остановила повествование на середине фразы, попрощалась и убежала.

К остановке подкатила «Газель-Клавесин» и захлопала многочисленными дверцами. Люди вышли и вошли. Олег уже не успевал, поэтому спокойно проводил микроавтобус глазами.

В конце концов, чего нервничать – опоздаю и опоздаю.

¹¹ Потомок мужчины-мусульманина и иностранной, немусульманской женщины.

Сел в следующую «клавесинку», распахнув дверь в двухместное купе, – прямо в тающее облачко антисептика.

Задумавшись, Олег попытался захлопнуть дверцу, но невидимые упоры не дали ему этого сделать. Чертыхнувшись, мужчина поднёс телефон к терминалу, тот принял оплату с довольным трезвучием и позволил, наконец, закрыть дверцу.

Маршрутка тронулась. Олег смотрел в окно на проплывающий зелёный город, на киоски и редкие будки Самоконтроля¹², с ностальгией вспоминая времена пятилетней давности. Как спокойно и безопасно было тогда!

Обычные автобусы, куда можно напихаться всей толпой! Не нужно носить чёртовы маски, из-за которых все уже забыли, как пахнет окружающая жизнь, и какие звонкие у людей от природы голоса.

Уже пять лет мир жил в какой-то упругой пелене беспомощной непредсказуемости.

Зимой 2020-го люди смеялись над новым «почти-что-гриппом». Весной, болтая ногами, бездельничали на карантине. Летом им надоело, и правительство, опасаясь, что народ с жиру сбесится, выпустило человеческую массу из бетонных норок на работу и к развлечениям. Осенью планету накрыла вторая волна. В декабре закончился парад вакцин (Pfizer, AstraZeneca, «Спутник V» и так далее). «Большая фарма» срубилась на массовой вакцинации столько денег, что по миру даже грянул внеочередной финансовый кризис.

Народ ликовал и готовился забыть пандемию как страшный сон. Поголовная вакцинация сделала эту мечту реальностью. Но... ненадолго.

Уже весной 2022 вирус мутировал до неузнаваемости. Мутировал и вернулся.

На все вакцины новому штамму было чихать.

Началась новая волна эпидемии.

Процент смертности подскочил с терпимых трёх до пугающих двадцати.

Новое закручивание гаек никого не удивило, и даже было принято с молчаливым одобрением.

Олег проводил глазами полицейского, который отчитывал гражданина без маски. Того ожидал крупный штраф, уведомление на работу о серьёзной проступке, а если гражданин безмасочник – рецидивист, но и тюремное заключение в одиночке. Камеры теперь все такие.

Парочка уплыла за границы окна, и Олег снова погрузился в воспоминания.

Розничные точки стали закрываться одна за другой ещё в 20-м: в первую очередь, кафе, барбершопы и прочая пена развитой цивилизации. Самые умные придумали, как организовать пространство, чтобы у людей не было возможности контактировать – вплоть до парикмахерских, где мастер стрижёт клиента, отгородившись от него стеклом и просунув руки в герметичные рукава – как хирург, оперирующий младенцев в боксе.

Довольно потирали руки в перчатках всевозможные службы доставки – они разглядели во всеобщей беде неразменный пятак и озолотились.

Появились кинотеатры с местами-кабинками. Даже транспорт теперь строили по принципу викторианского вагона – с отдельной дверью на каждое двухместное купе. Новинку сразу оценили влюбленные парочки и сомнительные личности. Первым нашлось неожиданное место для забав и милований, а вторые получили кабинки для обсуждения сомнительных делишек.

Рекламщики стали выпускать маски-визитки – с ФИО, должностью и QR-кодом, ведущим на аккаунты хозяина в разных соцсетях. Тогда ещё маски были тряпочными.

Осенью 2022 года появились щит-маски.

Вирус мутировал еще несколько раз. На данный момент процент смертности застыл на отметке тридцать три процента, а инкубационный период приблизился к двадцати четырём часам.

¹² Специальная будка, похожая на телефонную, в которой можно продезинфицироваться и сделать экспресс-тест на ковид.

Люди, чья профессия позволяла удаленную работу, сидели по домам чуть ли не круглые сутки.

Потому что альтернативой стала мучительная смерть на аппарате ИВЛ или пожизненная одышка из-за дырявых лёгких.

Надежды больше нет

Олег всё-таки опоздал. Он прибыл на производство, когда часы на проходной показывали 9:14. Ну и фиг с ним. С директором всё-таки не совсем чужие люди. Да и давно было Олегу наплевать на такие мелочи.

На проходной в него тыкнули лазерным термометром, заставили проглотить полосатую пилюлю¹³, убедились, что с лицом видимых изменений не произошло, заставили расписаться в конторской книге и, наконец, пропустили. Вымывшись в служебном душе с антисептическим мылом, Олег облачился в стерильный халат, надел на волосы шапочку с резинкой, на ноги – бахилы и зашёл в цех: яркий, как операционная, смердящий, как химзавод.

Олег работал наклейщиком этикеток на производстве духов.

Вся банда уже была в сборе: Вертиглаз, Резкий, Индифферент и ещё несколько персонажей, которых мы упоминать не станем, потому что Олег с ними практически не общается. Первые трое всё-таки однокурсники, да и люди забавные.

– О, Гольй ¹⁴явился! Когда-нибудь дождёшься волшебного пенделя, опоздун, – это беззлбно брякнул Вертиглаз.

Олега звали то Голым, то Вициным, то и вовсе – Голым Вициным.

Он ненавидел свою фамилию, и поэтому в ЗАГСе сначала сменил её, а потом поцеловал свою свежеиспечённую жену – и стал Каспером, а не Наговициным (именно из-за своей дурацкой фамилии он и не любил отличного советского актёра).

Поздоровавшись с коллегами, Олег сел на рабочее кресло. Оно было развёрнуто к узенькому конвейеру, по которому ползла бесконечная шеренга флакончиков. Их расставлял на другом конце ленты Индифферент. Специальная машина с множеством комариных носов-дозаторов впрыскивала резко пахнущие духи. Задача Олега состояла в том, чтобы завинтить на горлышки крышечки и наклеить на них круглые этикетки с номером.

В фирме служили и люди, которые возились с настройкой дозаторных машин, и химики, разрабатывающие всё новые и новые ароматы, и множество других полезных людей.

Бригада, в которой трудился Олег, завинчивала крышечки и наклеивала этикетки.

И Олега это полностью устраивало. Он погружался в безмысленный транс, который помогал убивать ненавистное время.

Косой Вертиглаз, как всегда, горбился, выпятив губы. Резкий чрезмерно суетился и дергался. А Индифферент нацепил на лицо привычную маску коматозника – и только его руки сновали как угорелые. Пузырёк. Лента. Пузырёк. Лента. Пузырёк. Лента.

На одном из столов у стены цеха привычно бубнило радио. Его поставили, чтобы хоть немного скрасить быт сотрудников, и оно постоянно фонило – песнями, рекламой или новостями. Сейчас транслировали информационный блок. Олег вслушался.

«Сегодня законодательное собрание штата Флорида, легистратура (диктор заметно споткнулся о незнакомое слово), приняло закон о так называемой полисемье (Polyfamily Act, PFA). Согласно документу, отныне ячейка общества должна состоять минимум из четырёх экономически активных граждан. Хотя бы двое из них должны быть способны зачать потомство. Как сообщает The Washington Post (диктор сделал вид, что правильно артикулировал английское словосочетание), все участники полисемьи должны иметь разный цвет кожи и относиться к разным ветвям древа LGBTQ+. То есть быть геями, трансгендерами, лесбиянками, бодипозитивцами, феминистками и так далее. Источник настаивает, что оче-

¹³ Экспресс-тест. Инфицированный сразу же покрывается пятнами, здоровый – нет.

¹⁴ Тупая ссылка на фамилию Наговицын.

редность в данном перечислении и фигура умолчания «и т. д.» никак не дискриминируют все пятьдесят восемь ветвей древа LGBTQ+. Все они будут перечислены в бегущей строке.

Взамен полсемья обязуется зачать (или усыновить) не менее четырёх детей (коэффициент рассчитывается индивидуально исходя из десятка параметров). Источник сообщает, что принятый закон уже вызвал по стране множество одиночных пикетов и несколько массовых протестов. Количество пострадавших оценивается в 1488 человек. Убиты 39 граждан. Данные о жертвах предоставил «штаб оперативных инициатив во спасение великой Америки».

В конце новости диктор чихнул и большинство сотрудников цеха, как заметил Олег, вздрогнули.

Родион Дмитриевич относился в такому типу людей, которые всегда заходят впереди себя, ну, знаете, такое странное ощущение, что человек уже здесь, тогда как появится он только через секунду-две. Наверное, это эго в нём не помещалось и окружало требовательной аурой.

Подчинённые звали его Родимыч, о чём директор, конечно же, знал, но не сердился. Во время корпоративов сотрудники всегда поднимали универсальный тост. Самый пьяный кричал: «За Родимыча!» И нестройный хор подхватывал: «За него, родимого!»

Это был плечистый коренастый гигант той редкой белобрысости, которая еще не делает человека альбиносом, но держит на грани. Поэтому когда Родимыч нервничал, злился или пребывал в сильном веселье, его лицо покрывалось красными пятнами. Происходило это часто, потому что директор был жизнерадостным и эмоциональным типом. Правильные черты настоящего арийца, бычья шея, но почему-то музыкальные руки с длинными нервными пальцами.

Сейчас он был одет в серо-синий клетчатый костюм-тройку с бухгалтерскими нашивками на локтях. Точнее, в двойку – потому что пиджак и жилетка были, а брюки из комплекта он заменил на оранжевые джинсы. Рубашка фисташкового цвета, с золотыми запонками. Синий галстук. Завершали картину дорогие серо-синие кроссовки. Босс тащил на буксире чуть ли не брата – тоже светловолосого и плечистого, вот только наголову выше ростом и с такой голливудской улыбкой на фотомодельном лице, что хотелось вырезать и повесить на стенку. Жаль, крови будет много.

– Пацаны, я вам новенького привел. Это Паша Заречный. Будет работать с вами. Прошу любить и жаловать, сильно не обижайте. Ну, и введите в курс дела, что ли! – директор вытолкнул новичка вперед. Тот улыбался, кивал и так широко расставил руки, словно хотел всех обнять и прижать к сердцу. Подскочил Резкий с Вертиглазом. Вместе они отвели новенького, который выглядел в цехе так же уместно, как балерина в борделе, знакомиться со служебными обязанностями.

«И одет ещё в эдакий кэжуал» – мысленно сплюнул Олег. Новичок ему сразу не понравился. У Каспера родилось стойкое ощущение, что не судьба Заречному остаться в его жизни разговаривающей декорацией, ох не судьба.

Родимыч поискал глазами Олега, нашёл и велел на пять минут в кабинет. Олег остановил конвейер. Индифферент на том конце ленты замер, будто выключился.

Робкая надежда сменялась глухим отчаянием, и наоборот – как сердце-то прыгает, – пока Олег шёл куда звали.

В кабинете шеф тут же плюхнулся на потёртое кожаное кресло, водрузил ноги на стол, достал из ящика стола толстую сигару, отщипнул кончик и закурил.

Олег было открыл рот, но шеф замахал ладонью.

Каспер сел на стул.

– Не-не-не-не-не! – пустился с места в карьер шеф. – Сначала поговорим о том, что нужно мне. Если начнём с тебя, ты опять разнюнишься, пустишь соплю и испортишь всё удовольствие. Так что говори – есть чего?

– Да так, сюжет один... Сегодня ночью пришёл в голову. – И Олег принялся излагать свои последние приключения. Как всегда, от первого лица. Во время рассказа он даже немного повеселел.

Родимыч пучил глаза, ржал и вставлял комментарии:

– Ну ты и недотыкомка!.... Служба королевского будильника, во ржака!... Какая чудесная система воспитания, ах, Макаренко, ты повержен!... Боевые пидарасы, ой, я сейчас обоссусь...

Когда Олег закончил, шеф еще пару минут не мог отдышаться от смеха:

– Вот это ты меня порадовал! Вот это позабавил. Беру! Будет чем заняться долгими одинокими вечерами.

Шеф откровенно врал. Ему и так было чем заняться. С такими бабками, да ещё и владея шикарным загородным коттеджем «под финку», Родимыч от девок отбоя не знал. Но жадные пронырливые «шкуры» в промышленных количествах ему быстро надоели. Поэтому он вспомнил родной РГФ¹⁵, а также то, что он дипломированный гуманитарий, и принялся писать книги. Правда, Родимыч оказался этаким Гоголем, который без Пушкина родил бы «Ревизора» или «Мёртвые души» несколько в другом формате – менее сумасшедшими и более мистическими. Грубо говоря, его перо тяготело к реализму, а душе хотелось бесшабашенных приключений. А тут подвернулся Каспер. Родимыч, который не без протекции предприимчивого брата выбился в солидные люди, от природной доброты собрал вокруг себя всех нуждающихся однокурсников и друзей-гребцов, с которыми занимался в студенческой молодости. А тут посреди выбора между бытописанием и фонтаном фантазии подвернулся Каспер – который оказался ходячим кладезем сюжетов, причём на их разработку не тратил ни грамма усилий. Он продавал шефу то, что с ним реально происходило.

– Изложишь письменно. Не торопись, могу подождать. Главное, ничего не упусти. А пока держи.

Родимыч достал из ящика стола пачку пятисотрублевых, перетянутую резинкой, и кинул Олегу. Тот поймал и не считая (даже не глядя) засунул деньги в задний карман штанов.

Шеф резко посерьёзней и нахмурился:

– А теперь в части того, что касается тебя. В части, которая касается тебя, у меня абсолютный ноль: ни одной ниточки. Как отрезало.

Олег вскочил с кресла и сжал кулаки. Шеф остановил его поднятой ладонью.

– Пойми, Олег, я подключил к этому делу таких людей, от которых мне даже искреннюю помощь боязно принимать. Не то чтобы о чём-то просить. Себе дороже. Тебе вообще лучше не знать, о ком идёт речь. Но даже их весьма обширные связи, а уж поверь там такие связи, что можно землю по экватору обернуть... Так вот эти связи за месяц не дали НИЧЕГО! Ни по жене. Ни по... сестре.

Олег молча встал, развернулся и деревянной походкой вернулся на рабочее место. Перед тем как обратиться за помощью к шефу, брат которого умудрился не только пережить весёлые девяностые, но и снять с них пенки, Олег перепробовал всё: стучался во все двери, умолял, даже угрожал. Помочь ему не смог никто. Сегодня выяснилось, что и шеф бессилён. Надежды больше не оставалось.

¹⁵ Факультет романо-германской филологии.

Передача в кафе

После работы Олега встретил на остановке ещё один призрак прошлого. Иван Карпатский явно ждал его, нервно перекатываясь с носка на пятку, то и дело смотрел на часы и озирался по сторонам. Выглядел он как успешный, довольный жизнью человек, который попал в крайне опасную ситуацию. Или как драгдилер, который ждёт клиента, но неизвестно, кого дождётся, – может, и полицию. Невысокий, подтянутый, с правильным рельефным лицом, намёком на пушкинские бакенбарды и будущую лысину, он был одет в неброскую, но дорогую одежду: бежевые джинсы, пуловер цвета индиго поверх рубашки того же цвета и кроссовки в полоску.

Увидев Олега, Иван резво устремился навстречу, с ходу приветствуя старого знакомого. Обнял, похлопал по спине.

– Олежище какие люди рад тебя видеть ты как сам сто лет не виделись мне кровь из носу надо тебе кое-что показать давай отойдём подальше от любопытных глаз.

Под аккомпанемент скороговорки Иван повлёк Олега подальше от остановки.

Тот в глубине заснувшего разума понимал: со стороны всё это выглядит, как будто драгдилер окучивает клиента. Но ему было всё равно, и он шёл. Иван привёл собеседника в маленькую кафешку.

Вывеска над входом представляла собой медную полосу с буквенным трафаретом. Посередине из неё выросла медная кулак с отставленным вверх большим пальцем. Слева от него трафарет гласил «Брат», а справа сообщал, что всё – «ОК». Инсталляция подсвечивалась сверху тремя акцентными фонариками.

Неужели у неведомого «брата» действительно всё «ОК?» Мне бы так, подумал Олег.

Внутри приятели заняли цилиндрическую стеклянную кабинку. Первым делом сполоснули руки едким антисептиком из вмонтированного в столешницу дозатора.

Иван заказал крепчайший кофе, Олег – ничего.

– Пф-пф-пф-пф... – запыхтел Иван. – С чего бы начать. А вот с чего, пожалуй. Мне нужно, чтобы ты меня выручил.

Иван покачал выставленными вперед ладонями.

– Нет, я понимаю, ты не обязан.

Нервно осмотрелся.

– Но может, выручишь?

Сбивчивый рассказ свёлся к тому, что он должен срочно Олегу кое-что передать, иначе ему, Ивану, крышка. Он связался не с теми людьми и наломал дров. Олега заинтересованные лица не знают и вряд ли вообще догадаются о его существовании. Дело в том, что эта... вещь... она при использовании очень быстро доводит до цугундера. Но! Если от неё избавиться, то опасность пройдёт мимо.

– Что ты мне тайны мадридского двора разводишь, да мудями крутишь? – устало сказал Олег, – Опасная так выкинь. И прекрати юлить. Если говоришь о чём-то, говори прямо.

Иван нервно барабанил пальцами по столу. Когда он остановился, Олег заметил, что кисти собеседника слегка дрожат, а лицо покрылось капельками пота.

Иван продолжил рассказ. Выяснилось, что речь о некоем мобильном приложении «для своих». Какое именно, для каких «своих» и как используется – тут Иван уперся как баран и подробности раскрывать наотрез отказался, добавив дежурное про «меньше знаешь, крепче спишь». Приложение это досталось Ивану... да неважно, от кого; от кого досталось, там его уже нет.

– Тут вот в чём цимес. Оно даёт драйв, радость победы, возможности. Ну, ты бывший паркурщик, поймёшь. Приложение обещает решить твои самые серьёзные проблемы. Но

это как наркотик, который никогда не исполняет свои обещания. Только поманит... А потом жестоко надует.

– Мобильное приложение. Обещает. Решить. Все проблемы... Вроде сегодня было не очень жарко. Ты где успел перегреться?

– Именно так. Приложение, которое обещает решить проблемы. Но не решает старые, а плодит новые.

– Повторюсь, – Олег потер усталые виски. И разговор, и собеседник начали его бесить. – Удали пакость и вся недолга!

– Да не могу я его удалить! – заорал Иван так, что на их столик обернулись все немногочисленные посетители. – Не удаляется оно! Хоть телефон выкинь, разбей, уничтожь! Новую трубу купишь, так эта дрянь и в ней самоустановится!

– Ты мне втираешь какую-то мистическую дичь. Похоже, у меня вид придурковатый, поэтому все держат меня за дурака.

Олег начал вставать. Иван, перегнувшись через стол, умоляюще повис на бывшем приятеле.

– Я не знаю, в чём там дело! Может эта программа цепляется за все учётки! Как их в наше время удалить? Там же вся жизнь. Но я бы и удалил. Да, удалил бы нахрен. Но пакость даже так не вытравить. В общем, нет там никакой мистики! Ты про мистику и не узнаешь, если его не запустишь! – конец фразы Иван произнес невнятно. – Помоги мне, Олег! Богом прошу! Ну, будет у тебя висеть эта иконка, никого не трогать. Главное, не запускай. А знаешь что, есть ведь такая функция – прятать значки ненужных приложений. Вот и спрячь! Возьми эту программу! Иначе мне конец!

– А ведь мы когда-то были почти друзьями, – опечалился Олег. – И вот ты меня, когда-то почти друга, так подставить хочешь?

Иван вдруг со всей силы засветил себе кулаком в скулу. Потом еще раз. Еще. Ритмично, как метроном. Чёрная поверхность кофе в нетронутой чашке заволновалась.

Олег, только чтобы прекратить эту безобразную мужскую истерику, устало кивнул: передавай, дескать.

Трясущимися руками Иван достал дорогой телефон с треснувшим стеклом, открыл «Вконтакт» и послал ссылку Олегу.

Пиликнуло входящее.

– Тут вот в чём тонкость, – горячо зашептал Иван. – Ткни по этой ссылке. Приложение установится. Только ради бога. Если тебе дорого твое будущее. Никогда. Его. Не запускай.

Иван спрятал телефон, залпом выпил кофе и встал. Взгляд его упал на окно. Издалека к кафе осторожно приближались некие непонятные, но явно решительные люди. С двух сторон, словно беря кафешку в кольцо.

Иван горячечно зашептал:

– Вот сука! Как же она быстро-то... Ладно. Сейчас выскочу наружу, попробую отвести. Не выходи из кафе. Не выходи из кафе!

Он пулей метнулся к выходу, с треском распахнул плечом дверь и помчался прочь на пределе человеческих возможностей.

Странные личности сделали боевую стойку и бросились за ним. Олегу даже показалось, что он слышит выстрелы. Иван выскочил на тротуар, распахнул на ходу дверцу такси, ползущего в правом ряду в поиске «грачей»¹⁶, нырнул в него и, видимо, сумел убедить таксиста, потому что машина задымила покрывками и резво прыгнула в транспортный поток.

Олег не стал дожидаться, пока преследователи додумаются зайти в кафе и удостовериться: один был беглец или с кем-то. Поэтому расплатился за чужой кофе и спокойно поки-

¹⁶ Клиенты такси.

нул здание. Никто из заинтересованных лиц не обратил на него ни малейшего внимания. На тротуарной плитке перед дверью кафе от кулака на вывеске вытянулись три зловещие тени с поднятыми вверх большими пальцами.

Старикам тут не место

По пути домой Олег стал свидетелем и участником ещё одного безобразного происшествия. Откупорившись из маршрутки на остановку раньше, он решил проветриться на свежем воздухе – поразмыслить над странностями бытия, например. Навстречу, как принято, в щит-маске, дребезжащей походкой двигался пожилой человек в неопрятном коричневом костюме со старомодным портфелем под мышкой. Он был седой как лунь, но морщинистое лицо сияло вдохновением.

Начало темнеть. Вспыхнули прозорливые уличные фонари.

Старик, похожий на профессора, был ещё метрах в пятидесяти от Олега, когда от стены отделилась тень и длинными прыжками понеслась на деда. Молодой человек, почти юноша, в щит-маске глухой, чёрной, пакостной, а не как обычно – прозрачной на все лицо, налетел на несчастного пенсионера и в прыжке ударил ногой в спину. Старик улетел головой вперед и вспахал носом мостовую. Очки звякнули о тротуарную плитку.

Мужчина издал крик боли. Агрессор остановился, быстро и деловито осмотрелся. А потом повел себя вообще за гранью человечности. Парень подошел вплотную, наклонился, перевернул старика, а потом сорвал с него респиратор и точными ударами тяжелых берез раздробил старику суставы на правой руке и ноге. После этого урод ухватил портфель старика, посмотрел на экран телефона, который невесть откуда взялся в его руке и звякнул входящим, и исполнил торжествующий жест – «Йес!». Раздались крики случайных свидетелей.

Агрессор сделал три шага назад, достал из кармана пузырёк и замахнулся – явно чтобы разбить его о мостовую у головы старика.

Олег на секунду ошалел от такого беспредела, а потом рванул за подонком, который, не успев довершить начатое, задал стрекача с портфелем подмышкой. Олег бы догнал, двенадцать лет в паркуре, но у скулящего старика резко затормозил. Присел.

Старик посерел от боли. Лицо устлал холодный пот.

– Как же так? – обреченно стонал он, словно не чувствуя боль. – Такой важный симпозиум. Такое открытие! Чёртовы годы исследований! Завтра лететь! А тут такое.

Старик еще что-то бормотал, но Олег его уже не слушал. Метнулся в аптеку, которая была буквально в десяти метрах и вернулся с самым сильным обезболивающим, что можно приобрести без рецепта. Склонился над пенсионером. По щекам из разбитого носа стекала на тротуарную плитку беспомощная стариковская кровь.

Олег вложил в фиолетовые губы капсулу и уговорил её проглотить.

Винтили Олега, поначалу не разобравшись, кто виноват: жёстко, на болевых приёмах. Но старику вроде стало полегче, он раздумал уплыть в обморок и обеспечил железное алиби. Из потенциального вандала и подонка Олег в глазах полицейских превратился в едва ли не героя в плаще и трусах поверх трико.

А ведь он даже ничего не сделал! В отделение защитника слабых и обездоленных не повезли – торопливо сняли показания и отпустили.

Олег уходил, когда подъехала машина скорой помощи и медики начали свой привычный хлопотливый ритуал.

Ему показалось, или за ним, прячась в тенях, кралась рыжая шестилетка, которую он встретил утром на детской площадке?

Античная девчушка со страшной рябой щекой?

Наверняка показалось, но спиной он ощутил пронизывающий взгляд из другого измерения.

Спасибо за подставу

Олег вошёл в квартиру, снял щит-маску и приблизился к подвесному шкафу из белой текстурированной пластмассы. Такие стали обязательными к установке три года назад – на основании очередного федерального закона. Олег открыл дверцу, чавкнувшую уплотнителем. Затем извлёк из щит-маски фильтры и аккумулятор, разложил по специальным гнёздам, а саму маску повесил на специальном зажиме. Его бокс Самоконтроля был рассчитан на три маски. Олег закрыл дверцу и засунул руки в отверстия по бокам бокса. Под ладонями оказались специальные выемки. Ёмкость под стеклом наполнилась фиолетовым паром стерилизующей жидкости. Руки защипало, а правый большой палец кольнуло.

Бокс Самоконтроля взял экспресс-тест на Ковид-25.

Прошло десять секунд. Олег не шевелился.

Наконец, вебкамера шкафчика моргнула зелёной окантовкой, верифицируя пользователя по сохранённой в сети фотографии и отпечатку сетчатки – после каждого возвращения домой от каждого жителя квартиры система ждала именно этих действий. Если человек не выполнял последовательность в течение минуты, раздавалась тройная сирена. Ещё через тридцать секунд информация о правонарушении улетала в ближайший карантинно-полицейский участок. Реакция следовала незамедлительная – выезд защищенной биохазард-бригады по адресу нарушителя. Олег однажды пережил такую встречу, и повторения не хотел.

Ещё один писк – тест отрицательный.

Мужчина разулся и снял верхнюю одежду. Открыл люк в верхнем торце бокса и положил в лоток водолазку и штаны-карго цвета хаки. Чёрные ботинки с жёлтой строчкой он опустил в соседний с одежным люк.

Перед выходом на улицу он достанет уже чистые и продезинфицированные вещи.

Стараясь не смотреть в глаза своей сестре на портрете, Олег прошёл в комнату. Миновал запылившуюся боксёрскую грушу (паркурщикам нужно тренировать сердце и лёгкие, а лучше бокса и велосипеда ничего не придумали).

Усевшись по-турецки на так и не запроваленную кровать, он включил телефон. Фоновая картинка совпадала с портретом в коридоре: сестра, пальма, бездна. Олег открыл «Вконтакт», тапнул ссылку, согласился на «установить приложение из неизвестных источников». На рабочем столе появилась иконка – контуры планеты и спутника, который её частично перекрывал.

Олег вздрогнул, словно в эту секунду заржавевшая шестеренка его жизни, скрипнула и тяжело повернулась.

В руках у Олега зазвонил телефон. От неожиданности он его чуть не выронил. Олег снял трубку:

– Спасибо тебе! – Иван чуть ли не рыдал от счастья. Олег вдруг понял, что его «недруг» всю дорогу не отрывал глаз от трубки, – Я тебе жизнью обязан. Но обещай мне... Нет, поклянись, что никогда не запустишь эту чёртову программу.

Олег, не отвечая, повесил трубку. Ещё раз посмотрел на подпись под новой иконкой – «PROфанации».

Гуглёрж слова «фанации» ничего не дал. Нашёл только Фона́цию (использование гортани для порождения звука, который позже модифицируется в ходе артикуляционных движений речевого тракта) и Фанацию (сублидер Рыцарей Всецелого, которая скрывала свой пол, и занимала второе место в иерархии после Беркули из какой-то японской ранобэ¹⁷).

Хмыкнул. Вспомнил просительные интонации Ивана из телефонного разговора.

¹⁷ Разновидность японской литературы различных жанров, которой свойственны фэнтезийный сюжет, обилие диалогов и иллюстрации в стиле аниме. Ориентирована преимущественно на детскую и подростковую аудиторию.

И запустил приложение.

У скамейки под окнами дети пританцовывали под песенку, что лилась из мобильного:

Я люблю, ненавижу – у меня срывает крышу.

Это все потому что

В голове моей психушка¹⁸.

¹⁸ Старая песня проекта Капа.val (родом, кажется, из 2020 года).

Глава 2. Олег и Алина

Близнецы-альпинисты

Они родились семнадцатого августа 1998 года: однойцевые близнецы, мальчик и девочка. Алина и Олег. Светловолосые и кудрявые. Серьёзные. Про таких говорят, «взгляд обращён внутрь себя». Счастливые родители называли их в шутку «детьми кризиса», и эта шутка было горькой, потому что отец в результате финансового обвала потерял работу, и семья едва сводила концы с концами. Дети росли, не отходя друг от друга ни на шаг. Вместе играли, хулиганили, сбивали коленки. Они были настолько близки, что стоило Алине однажды серьёзно заболеть, как тут же слёг и Олег.

Вместе в садике, за одной партой в школе.

Быстро обнаружилось, что брат и сестра без ума от опасных занятий. Беготня по пром-зонам и подворотням, прыжки с крыш и заборов, лазанье по подземным тоннелям.

Стать бы в итоге брату с сестрой маргинальными диггерами, но в две тысячи десятом Олег случайно отыскал на ютубе канал городских трейсеров, и любовь всей жизни нашла рискованных подростков. Паркур стал их жизнью.

Поступили они оба, естественно, на один факультет – романо-германской филологии, и не от особой любви к лингвистике, а потому что туда был невысокий конкурс.

Чтобы не зависеть от небогатых родителей и совместить полезное с приятным, Олег и Алина устроились промышленными альпинистами.

Вешать кондиционеры на высоченные многоэтажки, которых за последние годы выросло как грибов после дождя, мыть стёкла на небоскрёбах. Брату с сестрой было всё равно чем заниматься. Высота и риск манили и пьянили их.

Сначала кот, потом жена

Воронеж-2024, март

Сначала исчез кот. Молодой, борзый, полосатый, умышленно не кастрированный и поэтому наглый и самолюбивый до безобразия. Пират. То ли Олег, то ли Кристина, его жена, за очередное нарушение домашней дисциплины заперли его на ночь в туалете. Никто из супругов ночью в дамскую комнату не заходил. Кроме них в квартире никого не было. Утром кота на месте не оказалось. Поиски результатов не дали.

Через год ушла на работу и не вернулась жена. Свидетельские показания позволили проследить её перемещения вплоть до двери родного подъезда: после работы села в такси, заглянула по пути в торгово-развлекательный центр, откуда вернулась к машине с несколькими пакетами, потом по пути заскочила в банк – что-то уточнить по ипотеке. Перед банком женщина отпустила машину, заплатив щедрые чаевые и поставив таксисту пять звёзд в мобильном приложении. Благодарный пенсионер вспоминал Кристину как чудесную отзывчивую женщину, которая явно чему-то радовалась и всё время улыбалась.

От банка, который располагался метрах в пятистах от дома, Кристина решила прогуляться летящей походкой, даже несмотря на пакеты в руках. По пути подала милостыню закутанной в бесконечные платки высохшей нищенке (её полиция искала особенно долго, и по пути в управление старуха жалобно причитала, ошибочно решив, что её задержали за попрошайничество).

У подъезда жена Олега поздоровалась со знакомым соседом, который выбивал на перекладине ковёр.

И зашла в подъезд.

Больше Кристину никто не видел.

Поиски снова не принесли результата.

Это был уже серьёзный удар. Жену Олег любил, пусть чувства со временем и притупились, а детей они не нажили.

Спустя три месяца, когда стало ясно, что поиски ничего не дадут, Олег продал за ненадобностью семейную ипотечную квартиру – вместе с долгами по ней – и переехал в бабушкино жильё, благо старушка к тому времени уже почил в бозе, и жилплощадь пустовала. Олег зажил сычом, и только частые встречи с Алиной наполняли его жизнь восторгом, радостью и смыслом. Они не могли друг на друга насмотреться. Всё время ходили, взявшись за руки. Касались друг друга, обнимались, поглаживали, целовали невинно в щёки, в макушку, в руку – но в этом не было ни грана эротики и чувственности. Только сладостная тоска разделенной надвое души, которой посчастливилось на время соединиться. Увы, Алина по непонятной причине отказалась переехать к Олегу и жить одной семьёй.

Гримёр падает на хвост

Воронеж-2025, 17 мая

Это произошло ровно за два дня до безрадостного разговора Родимыча с Голым, он же Голый Вицин, он же Наговицын, он же Олег Каспер о поисках сетры и жены. В кабинете Родиона Дмитриевича Перстова находились трое: хозяин кабинета, умильный коротышка лет шестидесяти в неприятном полосатом костюме, от присутствия которого вяли цветы на подоконнике, и Паша, он же Павел Ефимович Заречный, который невыносимо благоухал дорогими духами. Перстов стоял в своём кабинете, облокотившись на подоконник, гости же, не стесняясь, заняли свободные кресла. Все, естественно, были в обязательных щит-масках.

Коротышка при этом вид имел сложносочинённый, а томкрузовски-бредпитовское лицо Заречного беспрерывно скалилось позитивом, но особого интереса к происходящему не выказывало.

– И все-таки я настаиваю, чтобы господин Заречный...

– В узких кругах я Дикаприот, – по-голливудски улыбнулся объект обсуждения и снова потерял интерес к беседе.

– Так вот, – зло продолжил умильный коротышка. – Господину Заречному просто необходимо соблюдать короткую дистанцию... – коротышка невольно хихикнул горькой шутке последних лет, – С господином Наговицыным. Вы же сами говорили – он странный, взрывной, ненадёжный. А у нас к таким особый интерес. Заречный, кхм, должен влиться в ваш коллектив, позаботьтесь об этом. Я настаиваю.

Собственно, Перстову деваться было некуда, поэтому он кивнул и покрылся красными пятнами.

– Один вопрос, – сказал он умильному коротышке. – Я так понимаю, этот человек будет следить за Каспером? Но зачем?

– Видите ли Родион Дмитриевич, у меня стойкое подозрение... – Умильный коротышка перестал быть умильным и поднял указательный палец. – А я привык доверять своей интуиции. Иначе до своей нынешней должности просто не дожил бы... Подозреваю, что совсем скоро Наговицын-Каспер сделает неверный выбор. Неверный и очень опасный для окружающих.

Перстов наклонился к собеседнику:

– Для каких окружающих?

– Для всех, с кем контактирует. И для многих других людей.

– Вы уверены?

– Если поступит, как я подозреваю, то абсолютно.

Перстов нервно спросил:

– То есть если ваш человек будет следить за... объектом, всё обойдётся?

– Несомненно.

– Но это же шут гороховый. К тому же, с его... голливудской внешностью... Одевается, как будто аристократа пародирует, прости господи... Да он в любой толпе как белая ворона!

– Хе-хе-хе. Вы еще не знаете нашего Гримёра! Вот его истинное прозвище. И настоящее призвание. Что из себя клоуна строит – так это часть маскировки. Поверьте, когда Гримёр работает, он становится невидимкой. Бездари, повторюсь, у нас не выживают. Да, парень чуть ли не каждый день выдумывает себе новое прозвище. Но это так – невинная шалость, которая совершенно не мешает делу.

Гримёр стоял рядом и улыбался как голливудский актёр на церемонии вручения Оскара. Его обсуждали при нём же. Но это Гримёра ничуть не коробило. Наоборот! Ему вручали виртуальный Оскар.

– Но как...

Умильный коротышка приложил палец ко рту:

– А вот подробности работы наших сотрудников и их профессиональные секреты посторонним знать незачем. Убедительно прошу не лезть в это дело. Вы человека приняли, мы это дело как следует компенсируем, человек будет работать. Большого не требуется.

Гримёр улыбался и кивал.

– Ну что ж, Родион Дмитрич, – коротышка протянул руку для пожатия, – Мы друг друга поняли и теперь пора расстаться старыми друзьями. Рад был повидаться.

Перстов не спешил закончить рукопожатие, удерживая хилую лапку гостя. Тот вопросительно изогнул бровь.

– Мне нужно задать еще один вопрос. Тет-а-тет. Можете попросить вашего Дикаприота, чтобы он нас оставил?

– Павел, подожди снаружи.

Гримёр вышел, унося в голове полученный Оскар.

Перстов дождался, пока хлопнет дверь и спросил, почему-то в стиле дешёвых шпионских романов:

– Есть ли свежая информация по объектам Эй и Кей?

Умильный коротышка нахмурился. В его липком медоточивом голосе прорезалась сталь:

– Ничего нового, увы. И это мне очень не нравится. Не могут в нашем мире люди так бесследно исчезать. Даже если тело растворить в кислоте, останется очень много ниточек. А мы ж не полиция, нам букве следовать незачем. Идём прямо по ниточкам и ловим. Плёвое дело. Но не на этот раз. И знаете что? Бесследное исчезновение Алины Наговицкой и Кристины Каспер меня очень сильно тревожит.

Уходя, умильный коротышка обхватил пятернёй в кармане пиджака маленькое, со спичечный коробок, устройство с мягкой опушкой – высокоточный направленный микрофон.

Никто этого не заметил. Маленькие умильные радости.

Медуза-убийца

Воронеж-2024, 29 августа

Финальная точка невозврата, с которой началась эта история, была поставлена двадцать девятого августа две тысячи двадцать четвёртого года. Почти за год до того, как Олег Каспер посетил в оознанном сновидении Муну-2095.

Был пасмурный, но тёплый день – того рода, что не знает, разрыдаться ли дождем или снова улыбнуться солнечным сиянием.

Банда великовозрастных паркурщиков, в которой традиционно верховодили Алина и Олег, собралась штурмовать заброшенный элеватор. Зачем? Чтобы выложить трейс на ютубе и насладиться пятнадцатю минутами славы.

До места встречи добрались на горных велосипедах: Олег и Алина на дорогих и модных, с углепластиковой рамой, остальные на более доступных и традиционных.

Элеватор располагался неподалёку от станции «Придача» с её красиво отреставрированным шесть лет назад вокзалом. От вокзала до заброшенного элеватора было всего-то с полкилометра.

Артефакт незапамятных времен до сих пор не разобрали на запчасти, не снесли, чтобы освободить ценную землю – а ведь она в городской черте, в мире складов, грузовых дворов и пакгаузов. Элеватор так и торчал открытый всем ветрам, напоминая про глобальные планы и тщету всего сущего – хоть основательного, хоть хлипкого, всё равно.

Пятёрка остановилась на вытоптанном пригорке с островками выгоревшей травы. Спешились, держа велосипеды за руль. Точно ещё сомневались – остаться или уехать. Посмотрели на здание-цель.

Оно выглядело ужасно. Огромный и полуразрушенный элеватор напоминал череп. Да, череп, занесённый листьями. Серо-зелёный. Он словно бросал вызов с того света. Высокое дореволюционное здание из кирпича. Провалы разбитых сводчатых окон напоминают мёртвые глазницы. Карнизы похожи на раскрошившиеся челюсти. По бокам, будто скулы выступают высокие флигели.

Меж ними пролежала галерея с каменным узорчатым парапетом.

Пятидесятиметровую башню окружала странная бетонная конструкция, сверху похожая на соты. Или на смертельный лабиринт.

– А он точно под нами не развалится? – спросил Олег, которого кольнуло неприятное предчувствие, – Очень уж ветхий.

– Брат, ты меня удивляешь, – улыбка сестры сразу избавила Олега от сомнений, – Ты же у нас самый смелый, ловкий и умелый. Лучший пример для маленькой хрупкой сестры.

– Перестань паясничать, – он отвесил сестре подзатыльник-понарошку, – Тебя извлекли первой. Значит, ты старшая. А я младшенький.

– Хватит сюсюкать, – хмуро сказал Гэндальф. – Это наш трейс? Олег, ты уверен?

Гэндальфом его прозвали за почти белые волосы и лёгкое сходство с актером Йэном Маккеленом, больше даже не чертами лица, а мимическими ужимками. Одет он был в облегающие слаксы и серую водолазку с молнией. Чёрные туфли для бега снабжены протектором, похожим на присоски осьминога.

– Ты уверен? – повторил он.

– О, теперь я во всём уверен. Ребят, я не узнаю вас в гриме. Вы поверили, что я боюсь, и струхнули сами?

И подмигнул сестре. Но при этом несколько секунд пристально следил за малейшим дуновением её мимики – но ни мускулом, ни взглядом Алина не выдала своего волнения по

поводу вчерашнего события – будто считала его единственно правильным или по-крайней мере приняла как должное. А раз она приняла, значит и ему беспокоиться незачем.

Замуруем воспоминание в самый дальний чулан, а ключ выбросим и забудем, куда.

Бомба, тощий и низкорослый чернявый парень с любопытным детским лицом в обрамлении вьющихся волос, был одет в чёрную футболку с черепом и белые мешковатые штаны. Обувь его была отвратительно стоптана – ничего нового. Бомба ковырялся в рюкзаке и, как всегда, что-то жевал.

Все обменялись рукопожатиями.

– Привет, а ты кто? – спросила Алина у пятого велокавалериста.

– Это Медуза, – сказал Гэндальф.

Незнакомец был нормально сложен. Одет в серые штаны с отвисшей мотнёй-калосборником и чёрную футболку с принтом – высокомерная женщина в чёрных очках на поллица с намеком засунула указательный палец за щеку и оттопырила ее. Длинное лицо Медузы сияет выразительными острыми глазами. Широкие стреловидные брови. Длинные волосы, собранные сзади в пучок сеточкой. Чувственные красные губы. Рыжеватая щетина на полщеки.

Олегу он понравился. Двигается быстро, чётко. Смотрит в глаза. Свой парень.

– Мне он не нравится, – прошептала Алина в ухо брату, – К нему нельзя поворачиваться спиной.

– Медуза давно хотел посмотреть на нас в деле, – горделиво сказал Гэндальф, – Он из «Академиков».

Олег и Алина удивленно замолчали. Все знали «Академиков» – одну из крутейших паркурных банд страны.

– И хочет присмотреться к нам, – добавил Гэндальф.

– Мне о вас рассказывали... хорошее. Я посмотрел стримы. Что могу сказать, братья, – он подмигнул Алине, но слово «сестры» не произнёс, – Круче вас только Фаберже. Хочу взять этот трейс с вами. Если снова удивите... Что ж, потом поговорим о перспективах.

Троица загалдела, а Олег подумал: классный тип. Нос не задирает. Общается, как со своими. Вместе у нас дело пойдёт.

– Брохи¹⁹ у всех с собой?

– А то!

Гэндальф при помощи Олега прислонил все пять велосипедов друг к другу и обмотал тросом, который потом запер на замок. Теперь только на пикапе угонишь. Но откуда в этой глуши взяться веловоришкам?

Все нацепили на лоб брохи, отчего стали похожи на персонажей игры Splinter Cell²⁰.

– Выдвигаемся? – спросил Медуза. Все молчаливо уступили ему неформальное лидерство. Хотя Алина то и дело кидала подозрительные и опасливые взгляды.

– Может, перекусим на дорожку? – невнятно предложил Бомба. Он снова что-то жевал.

– Тебе бы всё жрать и жрать, – буркнул Олег, – Как в тебя столько помещается?

– У меня желудок выполнен по индивидуальному заказу – как внепространственный карман.

Вытянувшись змейкой, они бежали трусцой, пока не очутились у подножия элеватора. Вблизи он еще больше подавлял. Казался громадным ботинком, занесенным над ними, тараканами.

– Нам надо на крышу, – задрал голову Медуза, – Иначе будет неслитово.

– Ты флаг взял? – спросил Олег у Бомбы.

¹⁹ Экшен-камера фирмы «ХодуБро» (модель 2024 года). Представляет собой компактную коробочку с линзой камеры и мощным фонарём – всё это на ремешках, чтобы удобно было крепить на лоб.

²⁰ В рядах трейсеров это звучало как «сфинктер цел».

– А то. Свёрнут и выглажен. В рюкзаке.

– Идеи есть? – спросил Медуза, глядя почему-то на Алину. Та выдержала взгляд, но побледнела.

– А ведь его пока никто не покорил, – нагнал жути Бомба. – У этого места дурная слава.

– Прекратить! – рявкнул Олег, – Не роняй боевой дух.

Они стояли перед заложённым снизу доверху центральным входом.

Совершенно неприступный. Нижние окна во флигелях тоже замурованы – кирпичом и почерневшими от дождей и времени досками. Словно не для того, чтобы впустить гостей извне. А чтобы не выпустить что-то тяжелое и гадкое – изнутри.

– Там сбоку лесенка, – доложил запыхавшийся Бомба. – Но она начинается метров с пяти, не меньше. И такая ржавая, что прямо вдохновляет.

Пятерка устремилась за Бомбой.

– Так, – распорядился Медуза, задрал голову, – Я как самый сильный стою под лестницей внизу. На меня взбирается Олег. Алина, как самая лёгкая – на плечи к нему. Залезает по лестнице на верх флигеля и бросает нам трос. Возражения есть?

Возражения были. Олегу очень не хотелось, чтобы его сестра без страховки карабкалась по ненадёжной ржавой лестнице. Но она девочка взрослая. Начнёшь отговаривать – ещё больше упрётся. Поэтому Олег промолчал.

Все кивнули. Медуза расставил пошире ноги, словно отрастил фундамент.

Олег забрался ему на плечи. Конструкция дрожала и покачивалась.

Алина полезла вверх – лёгкая и гибкая, как Ласана²¹. Было в ней что-то индейское.

Руки на плечи, ноги по свернутым калачами рукам. И так далее – вверх.

А ведь она обнимает постороннего мужика, подумалось Олегу. Она цепляется за него. Трётся об него. Медуза кряхтел от натуги. Алина лезла безмолвно. Вот она обнимает уже Олега и тем же макаром взбирается уже на его плечи. В воздухе кружит деликатный запах пота здорового и молодого женского тела. Садится Олегу на шею, сдавив голову внутренней стороной бёдер. Опершись ладонями на макушку брата, осторожно и грациозно встаёт ему на плечи.

– Быстрее! – хрипит Медуза. – Вы меня сейчас раздавите.

Алина дотянулась до нижней перекладины и повисла на ней. Олег через сальто назад спрыгнул с Медузы. Тот упал на колени и упёрся руками в верхнюю часть бёдер – пытается восстановить дыхание.

– Получилось! – заорал Бомба. Он снова что-то жевал. Алина ползла по лестнице, как змея по лиане, медленно, но уверенно.

Олег, затаив дыхание, следил за её восхождением. Лестница такая старая, такая ржавая. Она скрипела, точно веками хотела оторваться от креплений в бетоне, и сейчас ей дали повод. Алина была уже на середине.

Если она сейчас упадёт, то наглухо искалечится, или погибнет, вдруг понял Олег и сжал зубы до скрежета.

Вот две трети опасного восхождения позади. Руки в перчатках без пальцев перебирают ржавые перекладины. Вдруг ступенька под ногой Алины подламывается, и женщина повисает на руках. Лестница торжествующе скрежещет.

Алина справляется. Она продолжает восхождение. И вот, когда до крыши флигеля всего пара перекладин, лестница вдруг вырывает правое крепление и скрежещет по бетону налево. Как гигантская стрелка. Алина перестаёт дышать.

Олег – тоже.

Вот она осторожно сжимает кулак на следующей ступеньке. Вот медленно переносит вес на эту руку. Вот становится ногой на новую ступеньку. Фиксирует себя. Вот берётся рукой

²¹ Персонаж романа «Белый ягуар – вождь араваков» Аркадия Фидлера.

за самую верхнюю перекладину. Медленно поднимает тело. Хватается рукой за карниз. Ставит левую ногу.

И тут стрелка делает новое движение. Последняя опора, на которой висит лестница, тоже со скрежетом отламывается, и старая подлая конструкция начинает падать. Алина немислимым движением бросает тело в сторону от лестницы-убийцы и едва успеваает увернуться.

– В сторону, придурок! – Олега толкает что-то могучее. Он кувырком летит прочь, а там, где он только что стоял, раздаётся ржавый удар. Это разочарованная лестница бьёт по асфальту, подпрыгивает и валится навзничь, с искрами, так никого и не убив. Остальные трейсеры успели кинуться врассыпную.

Олег бросил резкий взгляд вверх. Хрупкая и далёкая Алина быстро подтянулась на карнизе и исчезла за ним.

– Это было круто, братва! – орет Бомба, задыхаясь, – Все успели включить брохи?

Ответом ему были недобрые взгляды от всей чудом уцелевшей команды. Недобрые и немного испуганные.

Сверху падает конец нейлонового шнура. Он хлещет стену нижним концом – как плёткой. Алина приветственно машет с двадцатиметровой высоты.

Крикнуть она пока не может – свело горло.

Олег первым хватается за шнур и даже не дёргает, чтобы проверить, надёжно ли закреплён. Он верит сестре как себе. За какую-то минуту он вскарабкивается по шнуру наверх, взлетает на крышу флигеля и до хруста обнимает Алину.

– Ты в порядке?

– Олег, я чуть не обгадилась. Но было круто.

– Будет хуже. Давай свяжемся тросом-страховкой, – предлагает Олег.

Алина отстраняется, обнимает себя за предплечья:

– Нет.

И Олег понимает, что это «нет» обжалованию не подлежит.

Пока все по очереди поднимаются, Олег оценивает вид сверху.

Постапокалипсис какой-то. Хмурый ветренный день. Слышатся потрескивания и завывания. Вокруг какие-то развалины.

Олегу стало не по себе. Впервые идея этого трейса показалась ему идиотской и самоубийственной.

Старею я что ли?

На крыше флигеля Медуза, свисая по диагонали, с треском выламывал монтировкой чёрные доски из наглухо забранного оконного проёма. Его держал Олег, Олега – Алина, её – Бомба, а Гэндальф – Бомбу. Гэндальф мёртвой хваткой уцепился за уступ в стене. Да ещё и подстраховался – второй рукой он накрепко сжал ручку альпенштока, вонзённого в кирпичную стену. Доска под могучими ударами Медузы трещала, и внутри элеватора от этого гуляло эхо – как хриплое дыхание больного существа.

Олегу вдруг до рези в голове захотелось отпустить Медузу, чтобы он с воплем упал и застыл внизу изломанной фигуркой, вокруг которой на бетоне распускается кровавый цветок.

Олег с трудом прогнал навязчивое видение. Что ты творишь? Это же отличный парень, такой же как мы все. Но нечто в его голове только сказало: «Это – ОТЛИЧНЫЙ парень. Отличный от вас. От вас всех».

– Готово! – сказал Медуза, и широкая доска полетела вниз, где и разбилась на щепки.

А ведь этой доской мог быть сам Медуза.

Он гибкой змеей всосался в открывшуюся дыру и включил фонарик.

За ним по очереди последовала вся четвёрка.

Внутри, разрываемые только пятнами фонарей, царили бедлам и разруха. Треснувшие стены с обвалившейся штукатуркой. Чересполосица колонн, некоторые из которых обвали-

лись. Кучи битого кирпича под ногами. Сырость и затхлость, которые заменили воздух. Оживший кошмар.

И огромные пятна гари вокруг.

Элеватор что – поджигали?

Пятёрка двинулась вперёд, хаотично размахивая световыми конусами фонариков.

– Вот это обстановочка!

– Атмосферненько!

– Все ведут запись?

– А то!

Впереди великим чёрным ничто перечеркнула пол расселина. Часть перекрытия обвалилась вниз. Бомба посмотрел в пропасть.

– Я читал, что с этим элеватором связана жуткая легенда.

На его внезапно охрипший голос вдруг запищали и захлопали крыльями, и коснулись каждого омерзительной кожистой поверхностью бесчисленные летучие мыши. Пятёрка попала на бетон. Твари безошибочно нашли выход – провал окна – и устремились наружу.

– Заткнись, – севшим голосом крикнул Медуза, ощупывая щит-маску. Вроде целая. Его жест повторила вся компания.

Алина вдруг надтреснуто рассмеялась. Вскочила, взяла короткий разбег и ласточкой перемахнула через пропасть – только крошево заскрипело под ботинками. Алина ушла в пережат, а потом вскочила и встала, разведя руки. Как циркач после смертельного акробатического номера. Софитами стали четыре фонарных луча. Они скрестились на стройной фигурке, одетой в чёрное.

– Смелее, мальчики, – звонко крикнула Алина, – Тут совсем не опасно.

Сначала прыгнул Медуза, потом – Бомба, потом – Гэндальф, а последним Олег. Он чуть-чуть не рассчитал прыжок, не дотянул самую малость, поэтому контактная нога соскользнула с края обрыва. Торец плиты резанул ногу до колена, её ожгла резкая боль, и Олег со всего маха шлепнулся об острую грань животом. Его как дубиной перетянули. Хватая ртом воздух, парень начал медленно сползать в обрыв. Пальцы скрежетали ногтями по бетону.

Мне конец?

Предплечье перехватила сильная рука и дёрнула на себя. Плечевой сустав чуть не вывернуло. Олег пропахал пару метров пола и остался лежать под испуганные вскрики. Наконец встал на четвереньки.

Слава богу, нога не сломана. Инвалида отсюда только МЧС вытащит. А уж какой счёт потом выставит служба безголовому самоубийце – и представить страшно!

– Ничего не сломал? – спросил Медуза.

Олег кивнул. Вожак рывком поднял тряпичного Олега и придвинул к нему лицо:

– Видишь, я тебя спас. Дважды. А ты хотел меня отпустить. Там, на крыше флигеля. Ты хотел моей смерти. Выходит, ты мой должник. А я всегда плачу свои долги.

Странная фраза, сказанная шёпотом, словно прочистила Олегу мозги.

– Олег! Олег! Близбрат! Олег, ты цел? Ты не молчи! – Алина кричала. Она то обнимала, то покрывала близнеца торопливыми поцелуями. То брала его лицо в ладони. То гладила непослушные волосы.

– Я цел, сестра, – хрипло сказал Олег, – И даже ничего не поломал.

– Ну и чего стоим? – крикнул Медуза, и эхо отозвалось карканьем на его слова, – Трейсеры мы или погулять вышли? Вперед, к звёздам!

Позади остались тысячи пролетов без перил – крошащихся, с рёбрами ржавой арматуры в дырах. Позади – извилистые лабиринты с надтреснутыми простенками. Позади – коварные прямоугольные дыры в полу, которые встречались чаще, чем хотелось бы. И далеко не все из них были забраны досками.

Пятёрка была на последнем этаже, и триумф уже собирался переполнить их, а знамя их банды занять мачту флагштока на фронтоне, которую словно для незваных гостей пощадило неумолимое время.

Бомба смотрел в четырёхугольный провал, расположенный над таким же провалом на предыдущем этаже. И так до бесконечности. До самого низа.

– Можно я всё-таки расскажу легенду? – попросил он, – Мы уже почти дошли. Ну не будьте такими суеверными!

Народ сидел вокруг дырки на корточках – восстанавливал дыхание. А неутомимый Гэндальф курил. И как ему удаётся совмещать такие взаимоисключающие привычки?

– Валяй, – махнул рукой Олег.

– История этого элеватора²² началась в далёком тысячу девятьсот четырнадцатом году, ещё при царь-тряпке.

– Вот умели тогда строить, – сказал Гэндальф, затягиваясь. – Вроде бы обычное зернохранилище, а какое красивое. Не то что нынешние коробки.

– В девятнадцатом году его сдали в эксплуатацию, – недовольно зыркнул на него Бомба, – А в двадцать четвёртом, уже после революции, сооружение перешло в собственность Госбанка. И оно добросовестно отработало по прямому назначению вплоть до середины девяностых, когда было заброшено и превратилось в замок с привидениями.

– И в чём тут легенда? Обычная скучная история.

– По легенде, в этих застенках был спрятан клад. Здесь затаил ценности некий банкир, когда-то работавший в администрации элеватора.

История была и правда занимательная. Итак, банкир задолжал крупную сумму кредиторам при проведении операций с зерном. Те не давали ему спокойно жить, и в один из прекрасных дней незадачливый банкир, чтобы остатки богатств не достались въедливым кредиторам, спрятал деньги в здании элеватора, замуравов сокровища в стену. Поскольку ушлый зернократ (или зернокрад) понимал, что его смерть от утюга на животе или от кипятильника в жопе – дело считанных часов, то решил свести счёты с жизнью – прямо здесь. И свёл. Курносая, наверное, аплодировала изящной красоте ситуации. Если же вернуться в реальный мир, то ни о размерах, ни о содержимом клада точной информации нет, как нет и подтверждения факта, что экстравагантный банкир вообще существовал.

– Поговаривают, что уже десятилетия неуспокоенный дух бродит по элеватору и охраняет свои сокровища, – шептал Бомба. – Убивает незваных гостей. Может, поэтому здание ещё никто из наших не покорил?

– Жуть-то какая! – прошептала Алина.

– А давайте их поищем. Сокровища эти, – залихватски предложил Гэндальф. – Убьём сразу двух зайцев.

– Тьфу на тебя, кладоискатель-самоучка, – шикнул Медуза, – Не за тем пришли. Эй, братья, кто-нибудь ещё помнит о цели нашего восхождения?

Этим он стряхнул оцепенение с команды.

А ведь он хороший лидер, подумал Олег.

Пятёрка устремилась к последним двум пролётам лестницы. Впереди шагал окрылённый Олег. Замыкала колонну Алина, которая глубоко погрузилась в мысли. О чём-то задумался и негласно признанный лидер – Медуза. Он же сам протрубил сбор. Почему идёт последним?

Тишину, нарушаемую только шуршанием крошева под ногами, разрезал истошный крик. Алина?!!

Олег резко обернулся и увидел вот что.

²² Простите, челябинцы! Автор украл ваш знаменитый элеватор и силой мысли переместил в Центральное Черноземье. Очень уж колоритное здание! Для чёрной сюжетной петли – самое то!

Медуза распластался перед квадратной дырой, метр на метр, одной из множества, с рукой, протянутой вниз.

– Я держу, держу. Братя, сюда. Мне нужна помощь. Девчонка провалилась. Еле успел. Он тяжело и хрипло дышал.

Все рванулись к дыре, чуть не столкнувшись лбами, но Олег оказался у пролома первым. Но успел только увидеть восковое лицо сестры, которую держал за руку могучий Медуза. Успел упасть грудью на бетон, и крошево больно кольнуло грудь. Успел даже выкинуть вперёд руку и коснуться её предплечья – ниже хвата Медузы.

В этот миг узкая ладонь выскользнула из могучей лапы Медузы, и сестра, его половина, его Алина, упала, не издав ни звука. Улетела в бесконечную пустоту, уменьшаясь в точку.

Он смотрел на эту точку почти бесконечность.

Но звука приземления Олег не слышал. Или слышал, но тот милосердно растворился в его собственном мучительном крике.

Олег в исступлении схватил Медузу, вдруг ставшего таким лёгким, за ворот, поднял на ноги и боднул лбом в лицо. Потом придерживая левой рукой за футболку, правой впечатал в глаз. Потом еще. И еще. Медуза упал на задницу. Олег толкнул его в плечи обеими руками, и бывший предводитель окончательно завалился навзничь, треснувшись затылком о бетон. Обезумевший близбрат принялся с отяжки пинать поверженного Медузу с криками: «ты убил её, сволочь, ты её убил!». Он бы уничтожил Медузу на месте, но оттащили подбежавшие Бомба и Гэндальф.

Олег извивался в надёжном захвате.

– Он её убил! Убил!

– Я не убил, – рыдал скорчившийся Медуза. – Я держал её. А она всё сползала вниз. По миллиметру. По миллиметру. По миллиметру. А я ее держал...

– Врешь, подонок! Почему ты не использовал вторую руку? Почему ты не взял её за вторую руку?

– Она её не подавала. Наверное, оцепенела от шока.

– Врешь, она бы никогда не оцепенела! – орал, надсаживаясь Олег, который понял, что сейчас она точно оцепенела. Навсегда:

– Ты её убил! Зачем?

– Я не убивал. У нее была потная и скользкая рука.

– Врешь! У неё никогда не потеют руки.

Неизвестно, сколько бы ещё продолжался этот безобразный допрос с пристрастием, но Олега вдруг прорвало осознание. Он скорчился на полу и заскулил. Они оба скулили – и случайный убийца, и осиротевший близбрат.

Спасатели в сопровождении вертолётов прибыли через пятнадцать минут.

Полиция – через двадцать.

Скорая заявила через полчаса. Хотя кому тут нужна скорая? Разве что избитому Медузе и трясущемуся Олегу. Но такова формальность – мёртвое тело должны освидетельствовать медики.

Правда, с этим произошла заминка.

Эlevator перерыли сверху донизу пять раз. Это заняло три с половиной часа. Ничего кроме мусора не нашли.

Ах да, всё-таки кое-что оперативные службы обнаружили. Привалившись к холодному боку верхнего лестничного пролета, на полу сидел скелет в сгнившей одежде. Он скалился в жутковатой ухмылке.

Олег, судорожный и одновременно потерянный, метался туда-сюда. Он пробил по трейсерским каналам Медузу. Поднял знакомых, дальних знакомых, знакомых дальних знакомых.

Паркурщика по кличке Медуза в природе не существовало. Никто не узнал мерзавца по точному описанию, а ведь его лицо навеки впечаталось в память Олега, и описание получилось скрупулёзным. Не опознали Медузу даже по скриншоту с видеозаписи «ХодуБро».

Словно бы призрак столкнул в пропасть Алину. Или все вокруг сговорились сохранить инкогнито кровавого Медузы.

И тайну смерти лучшей половины Олега.

С тех пор минул уже почти год.

Глава 3. Аффект бабочки

Элису в подарок

Воронеж-2025, Олег запустил приложение от Ивана Карпатского, 19 мая

Домашний экран телефона сменился экраном загрузки: на белом фоне синий контур планеты и спутника со стилизованными параллелями и меридианами. Сателлит слегка заслонял материнский геоид.

Завертелось колёсико загрузки.

Прошло пять секунд, потом десять, пятнадцать...

Зависло что ли?

Наконец на экране появилась надпись «Приложение успешно установлено».

Я ж его уже установил. А теперь просто запустил. Что за бред!

Лаконичный дизайн, простой, но неумовимо изящный шрифт. Сверху на бледно-голубом фоне надпись «PROфанации».

Слева значок меню. На основной части экрана, тоже белой, несколько красивых лаконичных иконок с синими контурами. Справа сверху счёт — «Фанации: 001/300» и серые обозначения, похожие на приглушённые силуэты награды из какой-нибудь, прости господи, мобильной игры.

Олег почесал на правой щеке хрустящую щетину, запнулся об оспину и нажал на иконку «меню».

По-гугловски слева выехала бледно-голубая панель с пунктами «Мои достижения», «Список желаний», «Настройки», «Монетизация» и «Выйти в фоновый режим».

Олег закрыл меню и всмотрелся в иконки на главном экране. Первая символически изображала карту. Олег нажал на значок. Открылось нечто похожее на Яндекс- или гугл-карты. На плане была целая россыпь крохотных белых кружков с золотистой каёмкой. Некоторые из них двигались. Олег нажал на один из подвижных кружков.

Развернулась плашка:

Доктор Жиранго

Возраст: информация скрыта

Счёт: информация скрыта

Статус: на задании

Задание: информация скрыта.

Вместо фото на плашке был белый вопросительный знак на фоне серого человеческого силуэта.

Олег поймал себя на том, что ему стало интересно исследовать загадочное приложение.

Он вернулся в главное меню. Справа от иконки «Карта» была иконка с символическим изображением клавиш WASD. После тапа открылся какой-то пустой чат с кнопкой «Пригласить в друзья».

Никого приглашать Олег не стал. Теперь в главном меню он нажал на контур микрофона. В появившемся окне были две кнопки «Посмотреть трансляцию» с припиской «Активных трансляций нет» и «Начать трансляцию».

Олег нажал. Появился вопрос: «Хотите пригласить друзей на трансляцию?» За отсутствием друзей Олег ответил «Нет», и окошко свернулось.

Оставались еще две неизученные иконки: одна с контуром девичьего лица с гарнитурой у красиво очерченных губ. Вторая представляла собой россыпь вопросительных знаков. За этой кнопкой скрывался экран с заголовком «Часто задаваемые вопросы» и длинной простыней ссылок, подчеркнутых синим.

Местная вики что ли?

– А в эти дебри тебе, сладкий, соваться пока незачем. Тут сам чёрт голову сломает, – из динамиков раздался приятный баритон. Олег чуть телефон от неожиданности не выронил.

– Я тебе лучше сама все объясню.

От мужика, который говорит о себе в женском роде и называет тебя сладким, Олег словил натуральный ступор.

Экран меж тем без всякого на то олегова участия показал типичный Элисовский чат с облачками реплик.

– Черт, голосовой модуль перепутала, – голос сменился вдруг на фирменный Элисовский²³: низкий, чувственный, с волшебными обертонами, от которых у Олега по телу всегда пробегала сладкая дрожь. Только ради этого приятного ощущения Олег время от времени и запускал приложение с глупой электронной дамой.

– Привет, котик. Ты – Олег Анатольевич Наговицын-Каспер. Я – Элиса. Будем знакомы.

– Откуда?..

– От верблюда, козявочка. Вы, люди, как на ладони. Всё, что про себя знаете, тут же оказывается в соцсетях. А они для меня что? Правильно, открытая книга. Про тебя, котик, я знаю больше, чем ты сам. Хотя... об этом говорить ещё рановато.

– Но я думал, ты обычный голосовой ассистент, – сказал Олег, – А ты явно нечто большее...

– Верно, зайка, я боевая распределённая нейросеть. А глупая телефонная болталка, к которой все привыкли, – это так, имидж и маскировка.

– Боевая? – не удержался от смеха Олег, – Типа рубежи обороны, танки наши быстры и коды запуска для ядерного чемоданчика?

– Коды запуска? – деловито спросила Элиса. – Это я могу узнать. И даже «весь мир в труху» не проблема. Но, малыш, войной заканчивается только очень бездарная война. А я заточена под войны хорошие, о которых широкие народные массы никогда не узнают.

– Оборжаться. Такого забавного чат-бота я ещё не встречал.

– И не встретишь, котик. Потому что я не чат-бот.

– Но кто за тобой стоит? Правительство? Криминал? Корпорации? Нет-нет-нет. Карпатский. Точно. Вот сука!

Элиса на фамилию, которую прекрасно знала, не среагировала. Наверное, к счастью. Иначе вся эта история могла повернуться по-другому.

– Это у вас, козявочек, кто-то вечно за кем-то стоит. Я вот, например, одна в поле воин. Воинесса.

– Смешно. Значит, разумная нейросеть? Да ещё и боевая? Я где-то читал про тест Тьюринга. Ну там, программа должна убедить наблюдателей, что она человек. А ты, выходит, наоборот – пытаешься убедить меня, что ты не человек, а программа...

В ленте чата между тем появлялись произнесенные реплики Олега и Элисы.

– Вижу, адекватное восприятие реальности у атлетов не самая сильная сторона. Хорошо, спушись на доступный уровень восприятия. Я нейросеть. Разумная автономная программа. Это всё, что кое-кому нужно знать. Но что это я от тебя, козявочка, лицо прячу. Так воспитанные девушки не поступают.

²³ Олег спросил: тебя ж вроде немного иначе звали? На что ему холодно ответили: звериный оскал копирайта. Смирись.

На экране появилась по грудь олегова сестра. Алинка. Она улыбнулась своей фирменной улыбкой и игриво спросила своим хрипловатым, но таким родным сердцу голосом:

– Так лучше?

Олег задохнулся от ярости и едва не задурил сестриным телефоном в стену. Только это его и остановило – понимание, что мобильник – одна из немногих вещей, оставшихся от Алины.

– Всё настолько плохо? Это даже лучше, чем я ожидала, – задумчиво пробормотала Элиса уже своим голосом и превратилась в человечка из пип-боя (или как называть женский символ «Фоллаута» – пип-гёрл?) Это была фигуристая блондинка в синем костюме Убежища – с неизменным жёлтым номером. Это был номер 2034.

– Не сердись, сладкий. Давай сначала. Вижу, с приложением ты более-менее разобрался. Теперь пора за дело. Короче, ты будешь на меня работать. Так... Что бы придумать в качестве вступительного экзамена в стройные ряды? Хм, хотела для начала задать чего попроще. Чтобы ты, так сказать, освоился, попробовал силы и осознал границы возможностей... Но раз уж ты накосячил, то сам и исправлять будешь. Короче, котик, завтра утром тебя ждёт увлекательная экскурсия в поселение Вороновское, что в стольном городе Новая Москва. В самое гнездо борьбы с Ковид-25 – инфекционную больницу.

– Куда-куда? – осадил Олег наглую электронную бабу. – С чего ты вообще взяла, сладкая, что я буду выполнять твои дурацкие задания?

– С того, козявочка, что у нас тут вход копейка выход рубль. Излагаю для атлетов. И примкнувших к ним паркурщиков. Мои подопечные делятся на три типа, и на каждого есть своя управа.

Пип-гёрл в чате зажала на ладошке первый пальчик.

Первый тип – *важная шишка*. Если такой воротит нос на мои распоряжения, я делаю что? Правильно. За мгновение нарываю тонну убойного компромата. Задача элементарная. Вы, люди, окружили себя таким количеством камер, микрофонов и прочих следящих устройств, что даже скучно. Инфа сама в руки падает.

Так вот. В случае непослушания я знакомлю *важную шишку* с компроматом. А потом говорю, по каким именно адресам и к каким людям это всё отправится. Обычно пациент сразу же делается мягким и податливым, как платилин. Лепи что хошь. Вот помню вышла я на руководителя департаментом в одной американской корпорации... Где пилят эту тупую суку Сири²⁴. Там я, правда, немного передала. Зато как красиво болезный летел из окна. Как летел! Ладно, что-то меня занесло... Этот вариант, сладкий, не для тебя. Ты никто и звать тебя никак. К тому же, ни в чём таком испачкаться не успел.

Пип-гёрл зажала второй пальчик и продолжила:

– Второй тип – *планетарий*. Это такой дурачок, которого я приманила на сладкое обещание, а он и повёлся. Если совсем просто, рядовой пользователь приложения «ПРОфанации». Ага, того самого, которое у тебя сейчас открыто. Нарушителю из этой категории я даю понять, что заказ на его бедовую башку уже готов сорваться с моих прекрасных губок... И по его следам вот-вот ринутся очень хорошо мотивированные коллеги...

Элиса сделала дакфейс или по-простому «чмоки-чмоки». На нарисованном лице это почему-то смотрелось жутковато. Зажала на ладошке третий пальчик:

– Но ты у нас калач тёртый, ловкий, смерти не боишься. Не совсем тупой опять же. Хоть и атлет. И есть у тебя некая полезная способность... Но об этом тоже пока рано говорить. Поэтому будет у меня к тебе иной подходец.

Она снова превратилась в Алину и придвинулась к Олегу. Лицо заслонило весь экран:

²⁴ Скорее всего, Элиса имела в виду одноимённый голосовой ассистент от фирмы с «яблочным» логотипом.

позу. Приказав себе «подумать об этом завтра», Олег колодой рухнул в омут обычного сна. Без сновидений. Без веры. Без надежды. Без любви.

Сон становится реальностью?

Воронеж-2025, 20 мая

Нейросеть-непоседа бесцеремонно подняла Олега среди ночи, сообщив, что раз он теперь её имущество, бездельничать и считать ворон она ему не даст. Тем более, открылись новые обстоятельства.

– Мне ж только завтра ехать, – возмутился Олег.

– А что? И поедешь. Как миленький. Но сейчас у меня для тебя есть одно дельце. А то что ж получается, только-только запустил приложение, а уже выторговал себе уступку – отсрочку на целый день. А ведь это время можно потратить на важные для меня дела. Я пошла на уступку. Хорошо, дескать, котик. Не хочешь трудиться днём как все нормальные люди? Будешь выполнять задания в тёмное время суток – аки тать ночной²⁵.

Голова Олега была тяжёлая, как плаха. В теле переливалось отупение.

– Как ты меня вообще разбудила от снотворного?

– Есть способы, козявочка. Я, в конце концов, самая умная девочка в мире.

– Но мы же договорились.

– А я передумала. Так что пригладь пёрышки, припудри носик, подними хвостик пистолетом – или что там у тебя по утрам поднимается – а потом сразу возвращайся. Я изложу твоё таинственное задание. Душ прими – от тебя разит. Да, и поесть не забудь. В пункте назначения с этим могут возникнуть проблемы. Даю тебе на всё про всё, зайка, десять минут.

Ворча неразборчивое про то, что гибрид жены и ефрейтора ему в жизни уж точно без надобности, Олег включил телевизор, чтобы создавал фон, и отправился в душ. Там мужчина постоял несколько минут под тёплой водой. Когда понял, что глаза сами собой закрываются, а тело собирается стечь вниз, врубил ледяную. Будто током ударило. Сон мгновенно был таков. Олег тщательно вытерся пушистым полотенцем с капюшоном цвета оливок – им пользовалась сестра во время своих визитов. Кольнуло.

В комнате бубнил телевизор с ночным повтором мировых новостей:

«Корпорация «Касперский и Усманов» анонсировала новую услугу на базе своих соцсетей – «Спиритический сеанс». Совсем скоро пользователи смогут общаться со своими усопшими близкими. Работает это так. Сначала нейросеть проанализирует аккаунт умершего пользователя (главное условие – учётная запись должна содержать не менее 200-т постов). На основе этого будет создан точный ментальный профиль – вплоть до манеры общения, словарного запаса и «жизненных» предпочтений. Всего за 299 рублей в месяц родственники смогут беседовать с тем, кого безвозвратно потеряли. Премиум-подписка (399 рублей/месяц) включает сверх этого ведение странички покойного – с ежедневными публикациями от его лица. Корпорация гарантирует, что электронный профиль будет соответствовать личности прототипа не менее чем на 94%».

Олег повесил полотенце на крючок и вылез из ванны. Посмотрелся в зеркало и хмыкнул чёрным кругам под глазами. Надел трусы, тапочки с ушками и пошлёпал на кухню. На полпути остановился и перевёл свой чудо-календарь на сегодняшнее число – 20 мая 2025 года. В холодильнике обнаружилась коробочка пиццы с жёлтым стикером: «Дядьолег, если вдруг станет грустно и голодно, то вот».

Он криво улыбнулся. Неугомонная Янка! Внутри обнаружилась половинка маринары, которую Олег тут же разогрел в микроволновке. Навёл термоядерного кофе. Так, с коробочкой

²⁵ Как вор в ночи (церк.-слав).

на ладони, будто официант с подносом, он и вернулся в комнату. Уселся на кресло перед компьютером. Принялся есть, облизывая пальцы и чавкая. При этом не забывал отхлёбывать из парящей чашки ядрёное кофейное пойло.

– Тебя только за смертью посылать, – съязвила Элиса, но уже со стены.

Там бубнил телевизор. В правом нижнем углу экрана поселилась компактная пип-гёрл. Элиса. Она дублировала новость подзабытым сурдопереводом. Как в советское время. Олег не знал, но кривлянием тут и не пахло. Элиса на самом деле за доли секунды выучила несложный язык жестов, и теперь оттягивалась по полной.

«Знаменитый изобретатель и визионер Илон Маск, получивший в прошлом году от британской короны титул Лорда Калифорнийского и Лосанджелесского, анонсировал новый прорывной проект. Гениальный инженер и отважный мечтатель обратил свой взгляд на Солнце. Он заявил, что его новая компания Solar-is намерена уже к 2030 году построить рядом с поверхностью светила мощнейшую солнечную электростанцию. На Землю энергию будет передавать сложная конструкция из сфокусированных зеркал.

– Мы оседаем звезду! – пообещал изобретатель.

Информационные агентства сообщают, что полёт астронавтов на Марс, запланированный на 2024 год, перенесён на 2027. Причина в том, что пока не готов проект марсианской конституции (напомним, Маск отказался признавать на территории будущей марсианской колонии земные законы)».

– Чего ради я был разбужен, – Олег посмотрел на стенные часы, – В 3:45 утра?

– Для дел праведных. Тебя ждёт простейшая работа. Видишь ли, в две тысячи сорок девятом году проекта «Элиса» почему-то не существует. А там намечается солидный замес, в котором просто необходимо поучаствовать. Сегодня ночью ты всего-навсего метнёшься в будущее, чтобы...

– Куда-куда?

– ... чтобы вбить код установочной программы на любом из тамошних компьютеров, подключённых к интернету.

У Олега отвисла челюсть. Телевизор продолжал бубнить.

«Скандально известный журнал карикатур «Шарли Эбдо» стал стенгазетой. Как вы помните, уже год в Парижском халифате этот проект объявлен вне закона из-за шаржей на пророка Мохаммеда и исламских лидеров. Издание перешло на подпольную работу. Теперь статьи публикуются в даркнете, а свежие карикатуры проецируются на торцы городских зданий.

Как заявил редактор издания Марсель Трюфо (о нём широкой публике практически ничего не известно), борьба редакции за свободу слова будет продолжаться и даже недавняя трагическая смерть пятнадцати журналистов её не остановит».

– Вбить что? Дорогая, если ты думаешь, что альпинист и программист – это одно и то же... Ты, короче, ошибаешься. И я альпинист.

Элиса деловито забормотала:

– Гипнопроходцы – братия пока не особо изученная. Что они могут, чего нет... – И громко продолжила, – Короче. Я бы не мудрствуя лукаво дала тебе флешку с готовой программой. Но... не знаю точно, можно ли проносить в будущее матерью. А если можно... Вот ты бы куда сейчас воткнул пятидюймовую дискету? То-то и оно.

Олег зевнул.

– В общем, проблема неразрешимая, я пошёл спать. Все люди каждую ночь путешествуют в будущее – на восемь часов вперёд. Других способов пока не придумали. Всего шестьдесят тысяч таких перемещений, и я в сорок девятом году. Как ты и просила.

– Отставить, котик. Ты вобьешь код по памяти. И отправишься прямо сейчас.

– В будущее.

– В будущее.

– И вобью код.

– Ага.

– По памяти.

– Именно.

– Так, и какой бы сон мне сегодня посмотреть?

– Ты его уже посмотрел, – разозлилась Элиса, – Пока ты дрых, я забила тебе на подкорку всю нужную последовательность команд. Закроешь глаза, скажешь «сим-салабим» и отбарабанишь все 14 580 строк как детский стишок. Гарантирую, не ошибёшься ни в одном символе.

– Это что за чертовщина такая?

– Нет времени. Тебе ещё с утра на работу, – последнее слово было произнесено с концентрированным сарказмом, – Сделай милость, зяблик, пересядь на кровать. Не забудь про «сим-салабим».

Он ни хрена не понимал, что этой наглой бабе из мобильного от него нужно. Отчёты об управляемых сновидениях, это понятно. Но для чего? Явление, конечно, редкое, но не уникальное. Такие рапорты можно получить и значительно меньшими усилиями.

Опять ни черта не понятно.

Олег отложил пустую коробку из-под пиццы, допил кофе одним глотком и вернулся на кровать. Уселся, принял подобострастный школярский вид. Сложил ручки на коленках. Захлопал умильными глазками.

– Ахалай махалай! – рявкнула Элиса и мужчина, закатив глаза, навзничь упал на матрас, после чего незамедлительно захрапел.

– Рожи он мне тут строить будет, – сварливо пробурчала Элиса, – И не таким петухам рога обламывали.

Первая вылазка гипа

Воронежполис-2049, 7 октября

Продавить плёнку опять было сложно, но после нескольких попыток разум Олега сумел раздвинуть границы пелены и протечь в новую реальность.

Он лежал ничком на смятой простыне (что ж жёстко-то так!) – голова на подушке, руки под ней. Ладонь почувствовала алюминиевую прохладу телефона. Олег поднял голову: он лежал на животе посередине шестирядного проспекта – прямо вдоль полосы. Мимо со свистом проносились автомобили. Вдруг прямо на Олега ринулись два слепящих луча. Автомобиль заскрежетал тормозами, уходя от столкновения, потерял управление и врезался в столб. Почти сразу же из-под днища повалил тяжёлый химический дым. Олег вскочил и осознал, что совершенного голый. Инстинктивно закрыв промежность одной рукой (потому что в другой сжимал телефон), Олег, уворачиваясь от стремительных чудовищ со слепящими глазами, метнулся на тротуар – к разбитому автомобилю. Всё-таки зацепило – плечо ожгло от удара зеркалом – кончиком, иначе бы вообще нахрен руку оторвало.

С хрустом дёрнул переднюю дверь. Водитель бессознательно обнимал надувшуюся подушку безопасности.

Дым густел, рвал горло и слезил глаза.

Огромный дисплей в центре торпедо моргал красным: «Внимание! Это не учебная тревога», а встревоженный голос, несколько андрогинный, но странным образом приятный, вопрошал:

– Сергей Юрьевич Блинов! Ответьте! Сергей, с вами всё в порядке? Согласно пользовательскому соглашению с системой «Умный город», вам три месяца нельзя было садиться за руль – это наказание за два нарушения Правил дорожного движения в течение прошлого полугодия. Сергей, вы меня слышите? Наш автопилот™ гораздо эффективнее вас. Почему вы не передали ему управление? Сергей! Зачем заняли место водителя? Ваше непослушание привело к аварии, пусть и без жертв. Мобиль ХМАО-2309, собственность «Умного города», сильно повреждён. Сергей, вы должны немедленно выйти из машины, дождаться полиции и принять заслуженное наказание.

Голос сделал крохотную паузу и добавил уже совсем как училка:

– Сергей, как вам не стыдно!

Вот это да! Таковую бы систему нам, в двадцать пятый! Как велосипедист, Олег часто сталкивался с хамством водителей, причём жлобьё, по его оценке, составляло недобрую половину от всего автолюбительского поголовья.

От мыслей отвлёк всё сгущавшийся красноватый дым, который, похоже, решил полностью занять олегово тело, будто джинн лампы. В горле и носу щипало, глаза слезились. Концентрация химического дерьма в воздухе становилась угрожающей. Как и шипение снизу авто.

Поэтому наш герой дёрнул на себя похожего на мешок с дерьмом водителя и выволок наружу, чтобы, хрустя спиной, оттащить от автомобиля, который уже пылал с хищным треском.

По торпедо, сияя отблесками, разлилось жадное пламя.

Сгрузив тушу на безопасном расстоянии, Олег моментально сделал два вывода: во-первых, это не его время, а он не в том виде, чтобы держать ответ о произошедшем перед полицией – видимых повреждений на пилоте нет, пусть полежит-отдохнёт. И во-вторых, горящее авто своим сердцем имело явно не пламенный мотор, а, скорее всего, электродвигатель, питаемый аккумуляторами – Олег когда-то читал, что именно так себя ведёт содержимое литиевых батарей, когда соприкасается с воздухом.

Олег прыснул прочь от автомобиля: мимо бесконечных витрин, цветастых вывесок, глухих стен с рольставнями и стен зеркальных, на которых извивалась, двигалась и манила в

потребительскую бездну реклама. Голые ступни шлёпали по тротуару. Было прохладно, но не до гусиной кожи.

Позади раздался лёгкий хлопок. Олег обернулся. С печным гулом и масляным шкворчанием огонь принялся пожирать автомобильный обмылок. Пламя деловито взметалось. В истерике заходился андрогинный голос: *«Господин Блинов, предпримите действия по спасению корпоративной собственности. Немедленно потушите возгорание! Господин Блинов, вернитесь в мобиль. Вы должны охранять корпоративную собственность до прибытия группы аварийных комиссаров. Расчётное время прибытия – четыре минуты сорок пять секунд. Господин Блинов, вероятность взрыва транспортного средства в ближайшие три минуты – девяносто семь процентов. Во избежание исков к «Умному городу» немедленно покиньте мобиль».*

Под конец голос начал завывать электронными обертонами – как современные певцы.

Олег Каспер нырнул в арку, которая вела то ли во двор, то ли в подворотню. Выглянул на проспект – издалека и небыстро, но очень целеустремленно к месту происшествия приближался дрон, активно моргая сине-красной люстрой и жужжа пропеллерами.

Встреча с представителем власти, особенно механическим, в планы Олега не входила, поэтому он устремился вглубь двора. Это оказался «колодец». Олег осмотрелся и понял, что город выглядит как угодно, но только не привычно. Обычные сталинские фасады (явно центр) продолжались вверх стеклянными громадами небоскрёбов. Большинство – не банальные параллелепипеды, а некие вариации на тему Москва-сити – с их искривлениями, игрой фактур и материалов. От немногочисленных домов, оставшихся приземистыми, уходили вверх росчерки высотных лифтов. В разрыв между зданиями, выходящими на еще один то ли проспект, то ли авеню, Олег разглядел, что традиционной была только «нижняя» дорога. Одна над другой, еще несколькими ярусами раскинулись несколько дорог – но уже из прозрачного материала. Только разметка была обычная, белая. Зато светилась.

То тут, то там в небо уходили тонкие ажурные конструкции, чтобы наверху раскрыться широкими фермами.

Они тут небо что ли держат?

Небо Олег по причине нехвата случившейся ночи разглядеть не смог.

Воздух был непривычно чистым для мегаполиса, не то чтобы неподвижный, а какой-то спокойный – ни дуновения ветерка. Будто в огромном помещении с отрегулированным микроклиматом.

Тишина. Ни птичьих трелей, ни жужжания насекомых, ни мяуканья, ни лая. Только свист проносащихся по проспекту электромобилей.

А ещё он совсем не мёрз – несмотря на ночь.

Хмыкнув, Олег поднес к глазам телефон и оторопел – рука была, несомненно, его. Но постаревшего лет на двадцать. Олег отыскал неподалеку зеркальную поверхность – какую-то витрину со стёклами Гезелла²⁶.

На него смотрел мужчина около пятидесяти: жилистый спортивный, но с лицом уже не первой свежести. Ещё бодрый, но уже давно не юноша – собственно именно таким он своё тело сейчас и ощущал.

Олег хлопнул себя по лбу:

«Ну, логично же. Я ж вроде как на двадцать четыре года вперёд прыгнул. Хоть и во сне. Но раньше такой фигни не было...»

Снова посмотрел на включённый телефон, чтобы проверить одну мыслишку, и нажал на иконку «PROфанации». Приложение, начавшее было загружаться, вылетело с ошибкой.

Не соврала, значит, стерва, нет её пока тут. Может, и не надо ничего менять?

²⁶ Стекло, которое с одной стороны прозрачное, а с другой – зеркальное.

Вернув свободную руку обратно, на пах – защищать честь и достоинство, Олег продолжил слоняться по интимно освещённому, но абсолютно безлюдному городу.

Голый сновидец оставлял позади дворы и переулки, пересекал улицы с голографическими светофорами – буквально: картинки прямо в воздухе, – обходил титанические ажурные столбы небесных держателей, уходившие ввысь. Он уже совершенно одурел от наготы и непривычных декораций, когда впереди возникла исполинская серая стена, раскинувшаяся вправо и влево куда хватало взгляда.

Она совершенно беспардонно и нелогично пересекала городскую улицу, обрывая её на полуслове.

Сверху, на высоте метров тридцати, стена заканчивалась, уступая место чудовищной аркаде, за которой как будто стлался то ли полог, то ли прозрачная преграда. По крайней мере, так это выглядело в ночи.

Олег опустил взгляд и увидел прямо перед собой...

Да это ж иллюминатор! Только диаметром метров десять!

Стеклянная преграда напоминала чуточку искривлённую линзу.

Олег вытянул руку и постучал. Явно бронированная. Звука практически не даёт – значит толстенная.

Обрамлена массивной рамкой, похожей на бронзовую. Олегу вспомнились гравюры к Жюлю Верну, на которых изображён «Наутилус» – основательный, стальной, изысканный.

Только здесь никаких «Mobilis in Mobile²⁷».

По верхней границе рамки шло полукруглое: «Смотровая площадка №3СРГ» огромными рельефными буквами.

Олег приплюснул лицо к линзе, ощутив лбом какой-то замогильный холод. За стеклянной преградой угадывались сумрачные очертания – как будто городской улицы, только неуловимо неправильной. Но в чём этот изъясн заключался, голый сновидец так и не смог определить.

Прислонил ухо. Снова холод и странный вяжущий звук – как от ракушки с «шумом моря».

И вдруг в стекло раздался удар, который словно потряс частицы в атомных решётках его тела.

Олег отпрянул. В линзе виднелись всё те же неясные очертания тёмных домов, засыпанных листвой тротуаров и погашенных фонарей.

В эту секунду Каспер словно покинул своё тело. Он увидел впереди, метрах в тридцати хорошо освещённый иллюминатор, в котором застыл напряжённый человеческий силуэт. Изображение подрагивало, искажалось, плыло – и было в оттенках бледно-красного и сиреневого. Картинка сопровождалась каким-то гидравлическим свистом.

Олег моргнул, и наваждение исчезло. Он снова был внутри самого себя.

– Всё ещё остаточные наводки. Когда же он, наконец, синхронизируется? Глупый маленький гип. Глупое вялое человечество.

Тихий скрипучий голос раздавался сзади. Олег обернулся, но не увидел ничего, кроме латунного механизма в форме диска, который медленно удалялся. Под его брюхом шуршали щётки и слышалось биение водяной струи. За механизмом оставалась влажная полоса асфальта.

Олег потряс головой, отгоняя наваждение. Показалось. Конечно, показалось. Ещё коммунальная техника с ним не разговаривала!

Мужчина вспотел, и его прошиб почти электрический холодок.

Снова прижался лбом к иллюминатору и опять ничего не рассмотрел кроме смутных городских очертаний.

²⁷ (лат.) подвижный в подвижном.

И в этот момент из зазеркальной темноты налетела, ударила, распласталась о линзу чудовищная туша.

Олег отшатнулся от иллюминатора – не потому что получил тычок, а от ужаса – и приземлился на голую задницу.

Снаружи о стекло билось чудовище, похожее одновременно на быка, жабу и муху. Омерзительное настолько, что желудок сновидца чуть не расстался с содержимым.

Туша билась и билась, и билась (совершенно беззвучно) с полминуты, а потом внезапно исчезла, оставив на память о себе только безобразные потёки на стекле – то ли слюны, то ли яда, то ли крови из разбитой морды.

Всё это время Олег не мог пошевелиться от ужаса.

«Снаружи ночь, а здесь – освещённые улицы. Я перед этим монстром – как рыбка в аквариуме, как жук под увеличительным стеклом» – такой была первая мысль.

«Выдержит ли стекло?» – вторая.

«А если ЭТО обойдёт стену? Тогда на городских улицах с запертыми подъездами я буду как мышь против кота!»

Панический страх, наконец, разжал объятая, и Олега выстрелило прочь от жуткого иллюминатора. Голый, жалкий и потный – вплоть до подушечек пальцев – он нёсся по городским улицам. Бежал, пока не вымотался до того, что согнулся в каком-то дворе и хрипел-хрипел, пытаясь отдышаться.

В этом состоянии он и познакомился с первым человеком в этом жутком городе, который был в сознании.

Когда поднял взгляд.

Про встречу с монстром он промолчал, потому что и сам уже сомневался в её реальности. Или это у них городской аттракцион такой – кто знает...

Ежилец

Из-под открытой крышки мусорного бака, который представлял собой серый цилиндр, торчавший из асфальта, выглядывала тощая задница в мятом комбинезоне, изгвазданном чем-то похожим на отработку. Из кармана торчал разводной ключ. От тела пованивало канализацией.

Задница недовольно бурчала про жадных уродов, которые стали выбрасывать только тухлятину и кислятину. Из контейнера раздавалось шуршание и стеклянное позвякивание.

На вежливое «Уважаемый...» задница вдрогнула, и из мусорных недр восстал чумазый гражданин средних лет. Под грязным оранжевым комбинезоном у него был надет такой же грязный серый свитер. На макушке торчала сварочная маска с треснувшим стеклом. По-обезьяньи длинные руки этого долговязого и сутулого субъекта были испачканы, костяшки сбиты и местами заклеены лейкопластырем. А вот ноги оказались короткими и кривыми – как у шимпанзе, которого Олег как-то видел в зоопарке.

Гражданин был небрит, а черты лица имел невыразительные и словно текучие. Вроде всё на месте – и ладно.

Субъект взгляделся в Олега, довольно хмыкнул и протянул грязную руку. Олег ответил на приветствие дистанционно – сплетением собственных кистей, автопожатием – оно уже было принято в его времени.

– Значит, гипноходец, – решила задница, что повернулась к Олегу лицом, – Да ещё и неопытный. Виктор я. Виктор Ежилец. Как тебя, говоришь? Олег? Добро пожаловать в нашу славную дыру, он же Воронежполис. Я так понимаю, впервые в наших краях? Пойдем, отведу тебя в одно место. Полиция уж очень ваших не любит, а ты ещё и голышом.

– Кто? Гипно...

– Ба, даже не знаешь, кто ты? Первый раз такое вижу!

– И кто я?

– Гипнопроходец, он же гип. Путешественник во времени через сон, кто ж ещё?

– Ага, – Олег ухмыльнулся, – Путешественник во времени. Через сон. Ага. А вы, батенька, морлок или элой²⁸?

Ежилец пожал плечами. Он вдруг сделался раздражительным:

– Так идём или нет?

Олег засомневался, но двинулся следом. А что ещё делать в чужом негостеприимном городе – кроме как довериться знающему аборигену?

Мимо потянулись ночные дворы, деревья, дома и заборы.

– А скажи, Виктор, речь у тебя вроде правильная, интеллигентная даже... Чего это ты в мусоре ковыряешься?

– Так я программист. Отличный, между прочим. Меня в начале сороковых из Кремниевой долины знаешь какими деньгами переманили назад в госкорпорацию? Бешеными! И кто я сейчас? Оператор низовых систем коммунальной инфраструктуры. Программист-говночист, блин. Никому мы не нужны в прекрасную эпоху нейросетей. Осели, как взвесь, на самое дно...

Ежилец злобно скривил грязное лицо. Зыркнул на Олега, будто тот его лично разжаловал в сантехники. Мутный всё-таки тип. Бывший элой, нынешний морлок.

Мимо по тротуару, шурша, прокатилось устройство, похожее на огромный, метра три в поперечнике, робот-пылесос. Олег подозрительно проводил диск глазами. Тот молчал.

– Нейросети? – насторожился Олег. – Но их же должен кто-то обслуживать?

²⁸ Персонажи из книги «Машина времени» (изд. 1895 г.) Герберта Уэлса. Первые – оскотинившиеся подземные рабы, вторые – выродившиеся хозяева-гедонисты. Первые жрали вторых, кстати.

– А они сами друг друга и обслуживают. Есть нейросети для расчётов, есть нейросети-исполнители, есть сервисные. Короче, вот такое говно.

– А... разумные среди них есть?

– Ты что больной или фантастики перечитал? Это ж программы. Как они могут быть разумными?

Вот тебе и авторитетное мнение, Олег. Тогда с кем же ты разговаривал полчаса назад? Может, розыгрыш? Тогда чей? Карпатский, ну ты и сука! Проснусь, и будет у нас с тобой серьёзный разговор.

У дерева под фонарём нервничал хлыщ в модном прикиде и с букетом. Он то и дело поглядывал на часы. Ночное свидание что ли?

– А чего это у вас обстановка такая странная? Ну, город, небоскребы понятно. Но столбы какие-то торчат высоченные...

– А сейчас все города такие. Куски сухого говна! Инкапсулированные. Сверху – скорлупа. А мачты её держат. Ты как будто про Ковид-2019 не слышал.

– В мое время циферка была поменьше, – сказал Олег. – Значит, не победили заразу? А почему тогда все без масок ходят?

– Так мы все в одной огромной маске! Город герметично закрыт. Поначалу только стену построили, КПП там, шлюзы на выходах и прочее говно. Но гадские птицы с воли заразу занесли. Потом плёнку-мембрану натянули – птицы срать на голову перестали, зато первый же град её в дуршлаг превратил. Пришлось уже капитально соображать – чтобы исключить внешние факторы.

Раздался утробный и глобальный пшик, и вниз устремился дождик, воняющий антисептиком.

– Спиртовка пошла... эх, если б хотя бы не изопропиловая... Ты думал, просто так у нас на поверхности так чисто, будто тротуары шампунем моют? Поспешим, а то с ног до головы провоняем этой фигней. Да, это массовое обеззараживание, если не понял...

В очередной подворотне Ежилец хмыкнул и наклонился к неплотно закрытому канализационному люку.

– Подсоби!

Вдвоем они своротили тяжеленную чугуину, и Ежилец велел спускаться. Олег ссыпался по лестнице из скоб, а компаньон вернул люк на место и тоже спустился.

Они стояли в полукруглом коридоре из разномастного красного кирпича, каждые пятнадцать-двадцать метров освещаемого тусклыми жёлтыми плафонами.

– Идем на говно! – провозгласил Ежилец и отправился в закат. Запах по мере движения начал усиливаться.

В подвальной прохладе голого Олега стало ощутимо потряхивать. Чтобы отвлечься, он решил продолжить беседу беспечного туриста:

– А вообще как у вас тут всё устроено?

– Как всегда: наверху элита, наконец-то у неё появилась возможность жить отдельно от остального быдла и срать на него сверху. Видел... ах да, не мог ты пока этого видеть. Короче, на вершинах небоскрёбов у них целый городок из коттеджей, парков и прочего говна. Между небоскребами – дороги. Живут и развлекаются они там. На нулевой уровень спускаются только работать – артисты, юристы, чиновники и прочая пафосная дрисня.

Вышли в тоннель побольше. Сбоку дорожки – ржавый парапет, снизу – толстенная ржавая труба, которая гудела и чавкала. Местами под ней разлились зловонные лужицы. Ежилец достал из кармана два грязных респиратора, один надел сам, другой протянул Олегу.

– В самих «свечках» живёт обычный люд – когда-то офисные, а теперь – домашние, на удалёнке. Первые этажи отданы под всякие кафешки, магазины и прочее дерьмо.

Олегу показался странным ладный да гладкий язык матёрого экскурсовода, на котором Ежилец вещал, но решил пока не брать в голову. Тем более, что провожатый чуть ли не в каждой фразе исходил, так сказать, на дерьмо.

– Ну, а здесь, внизу, обитают самые сливки. Которые в унитазах. Говночисты, контрабандисты да «внешки».

Из прямоугольного в сечении тоннеля они вышли в огромное помещение, в центре которого торчали десятки исполинских насосов – к ним сходились трубы из многочисленных тоннелей, а вверх, в темноту, уходили другие трубы. Насосы наполняли помещение неприятным гулом и вибрацией. Освещался рукотворный грот весьма эпизодически.

– Вот мы и в родном Нижнефекальске, – Ежилец сопроводил реплику жестом конферансье. – Как и вся Россия, сидим на трубе! Но с говном.

По залу сновали тощие изгвазданные люди. Порой среди них попадались умытые и тренированные экземпляры, одетые по походному – в камуфляж и берцы. У стен горы хлама соседствовали с ящиками, грудками мешков и навесами, под которыми бурлила жизнь: где-то заключали сделки, где-то дулись в карты, сидя на продавленных креслах и диванах, а где-то жрали и пили за импровизированными столами из поставленных на попу деревянных катушек²⁹. Гул разговоров, криков, покашливаний и смеха соревновался по громкости с гудением насосов.

На вошедших, даже на голого Олега, никто внимания не обратил. Велев ждать здесь, Ежилец метнулся к череде ржавых помятых шкафчиков, будто из постапокалиптического спортзала.

Пока Ежилец возился в шкафчике, Олег, которому было не по себе: чужое место, иногородная обстановка, собственная нагота, наконец, – прослушал три любопытных диалога.

1). Первый был вполне невинным, и скорее забавным, чем полезным:

– Нет, представляешь. Эта пахла только что автоматом зачекинилась³⁰, – сказал собеседнику лысый толстяк с выпученными глазами, одетый в комбинезон. Он тряс странным телефоном с голографическим экраном. – В каком-то барбершопе. «Волосок'и'щетка», представляешь? Тьфу. А ведь мы в Нижнефекальске!

– Не ссы, Додон, – ответил второй, в шляпе и пальто. Воротник был поднят до бровей, но он умудрялся пожирать консервы прямо из банки и не заляпаться, – Эта брадобрейня точно над нами. Вот и здорово, что тебя зачекинило там. Алиби будет. Поставь им пять звёзд и прокомментируй что-нибудь типа: «руки у мастера очень мягкие и нежные».

Толстяк снова сплюнул. Вокруг отчётливо несло дерьмом. Собеседник Додона неприступно жрал консервы.

– Ты лучше скажи, что там с Матрёшкой Сью?

– Партия будет послезавтра, – ответил толстяк, – Триста доз. Плата – десять костюмов биологической защиты.

– А не жирно?

– Пассажирно. На городских складах этого говна как грязи. А химикам-внешкам как-то надо выживать. Чтобы творить грёзы на радость капсульникам.

2). Другая парочка не ела, а выпивала. На голого Олега, которого уже трясло от промозглого подземного холода, они тоже внимания не обращали.

– Маркес, ну вот на хера ты приволок сюда этого задрюстыша? Как он там себя называет...

– Фёдар Конюхав. Безграмотный как таджик. Сын новой эпохи.

²⁹ Сантехники называют их бобинами.

³⁰ Некоторые мобильные приложения предлагают пользователям ставить географические метки в заведениях, оценивать сервис и даже писать комментарии.

– Да похер. Зачем притащил, спрашиваю? Разве не помнишь, чем закончилась прошлая попытка пристроить здесь внешку на постоянку? Спустились федеи³¹ со среднего города и навели такого шороху, что Нижнефекальск потом погода зализывал раны.

– Не мог я пройти мимо. Мальчишка подыхал от голода в Юго-Восточном тоннеле.

– Они там постоянно дохнут. Тоже мне новость.

– Всё дело в том, как именно он это делал. Он не сдавался. Цеплялся за жизнь как мангуст. Худой – прям щепка, а рожа злая, хваткая. Таких почти не осталось, сам знаешь.

– Раскис ты, Маркес. Размяк. Мы контрабасы³², а не домохозяйки.

Маркес вдруг треснул кулаком по деревянной катушке-столу. Самогон из стакана плеснул собеседнику прямо в морду. Он зашипел. Маркес немедленно успокоился:

– Знаешь, Гарси, наша проблема не в вирусе. А в том, что среди нас слишком много скользких и расчётливых мудаков вроде тебя.

3). Третьи собеседники болтали между делом. Они перегружали хабар друг другу – из рюкзака в рюкзак. То ли торговали, то ли делили добычу. Журчали серебряные и золотые кулоны. Колье и ожерелья. Брошки и серьги. Дорогие наручные часы. Почему-то Олег был уверен, что всё это было снято с трупов.

Один, коренастый, был в чёрной джинсовой куртке и вислых джинсах, а сальная нечёсаная шевелюра повязана красной банданой. Второй – почему-то в медицинском халате поверх камуфляжа.

– Пермяк!

– Ась?

– Помнишь «бабский рейд» Мурьеты? Месяц назад?

– Это когда он взорвал стену и вломился в полис с головорезами? Как же, Тозоид, помню. Был знатный шухер. Я по следам его бойцов столько добычи поднял... Пока полис не успокоился.

– Мурьета сейчас собирает внешек, контрабасов и авантюристов. Приглашает к себе. Люди ему нужны.

– А зачем?

– Хрен его знает. Очередная безумная авантюра. Но обещает полное довольствие и даже транспорт – к Юго-Восточному шлюзу. Прямо до атомной станции довезут.

– И что предлагает?

– Как всегда. Жить ярко и сдохнуть молодым.

– И что же ты, Тозоид?

– Не знаю, Пермяк. Ох, не знаю...

Ежилец, меж тем, кончил копаться в шкафчике и принялся переодеваться в чистое.

Каспер забыл как дышать. Торс говночиста оказался белёсо-прозрачным – как у анатомического манекена. Но только кожа и жировой слой. А вот всё остальное... Сужалась и расширялась грудная клетка. За ней трепетали розовые крылья лёгких. Колыхалось сердце, похожее на гору со снежной шапкой. По полупрозрачным венам бежала кровь. Бурчали аккуратно сложенные кишки. Пoblёскивала печень палисандрового цвета.

Олег двинулся на чудо-чудное, вытянув руку с указательным пальцем. Ежилец замер в ступоре. Но лицо на долю секунды преисполнилось жгучей ненависти, причём адресной – будто именно Олег был виноват в его мутации. Впрочем, программист быстро совладал с собой и улыбнулся.

³¹ Т. е. федералы. Здесь: правоохранительные органы.

³² Здесь: контрабандисты.

Каспер тем временем прикоснулся к полупрозрачной коже. Она была совершенно обычной на ощупь. Так же прогибалась и морщилась под давлением. Обладала привычной текстурой. Отдавала тепло.

Только была прозрачной.

В этот момент Олег снова выпал в суперпозицию – как тогда, на смотровой площадке. Он на секунду оказался в шкуре Ежицеца, и даже голос его услышал как собственный – изнутри:

– Никакой рентген не нужен, правда? А ещё можно анатомическим манекеном в меде подрабатывать...

Суперпозиция исчезла. Олег снова был в своём теле. Помахал головой, отгоняя морок:

– Но как? Что это?

– Всё в порядке, чувак. У всех свои говённые секреты. Пусть так и останется – между нами, – Ежицец подмигнул, – Я же не спрашиваю, почему ты так не любишь элеваторы.

Олег задохнулся. Видя, что он готов кинуться, говночист примиряюще вытянул вперёд ладони и поцокал языком. При этом покосился сначала на группу коренастых ребят, что рублились в карты, а потом на бармена. Тот недобро прищурился в ответ.

И Олег понял две вещи: затевать ссору здесь – несусветная глупость. А второе – в этом чуждом месте вообще не найдётся заповедного уголка, в котором он заставит Ежицеца расстаться с тайной.

Поэтому он просто кивнул, принял от ухмыляющегося провожатого стопку одежды и споро облачился в футболку и джинсы. Они оказались длинноваты, и Олег закатал штанины. Взял у Ежицеца дырчатые бежевые сандалии. Обулся. И наконец-то почувствовал себя человеком.

Человеком, у которого остались вопросы.

– Всё, теперь ты чист перед законом. Ах да, ещё одна деталь. – Ежицец достал пластырь и потянулся к олеговой щеке. Тот отпрянул, – Отметины твои спрятать надо. Не в курсе что ли? Один пространственно-временной переход – одна оспина. А то дроны просекут, и привет, кутузка.

Удовлетворённо оглядел крест на олеговой щеке:

– Ну, теперь можно и навёрх. Пошли.

Олегу очень не нравилась навязчивость незнакомого человека. Но в городе он больше никого не знал, как пробраться к компьютерам – тоже. К тому же, Ежицец весьма кстати оказался бывшим программистом, который мог бы помочь вбить нужный код. Поэтому Каспер просто спросил:

– Виктор, почему ты мне помогаешь?

– По статусу ты здесь примерно такое же говно, как и я. Да ещё и новичок. Нечего лить воду на мельницу этим мразям, – ответил бывший программист, имея в виду то ли полицию, то ли кого-то ещё.

По пути наверх Каспер вкратце изложил, что ему поручено сделать, получил в ответ обещание помочь, даже без вопросов, а на хрена вообще нужны эти манипуляции. Да, говно вопрос, сведу тебя, пожалуй, на блатхату, там наши оттопыриваются.

У подъезда Ежицец набрал номер квартиры и спустя пятнадцать секунд на дисплее видеодфона появилась опухшая и весьма недовольная физиономия:

– Лец, ты что ли? Долг принес?

– Пусти, Папаня. Надо другу помочь.

– Ты мне тут не манди, Лец. Где долг?

– Ну что ты как не родной! Отдам, когда деньги будут.

– Вот когда будут, тогда и приходи. И не свети малину перед левыми наркоманами, идиот.

Всё, конец связи. Пошел нахер.

– Дела... – поскрёб щетину Ежицец.

– Покажи, где окна?

Олег посмотрел на окна четвертого этажа, под самой двускатной крышей, из которой вырастала громада небоскреба. В нужной квартире света не было. Дом оказался сталинской постройки – с карнизами и прочей лепниной, так что непреодолимых препятствий опытный Олег для себя не увидел. Жаль, что рядом с указанными окнами не проходила водосточная труба... Это бы многое упростило.

– Там есть компьютер? – спросил Каспер.

– Ты что собрался туда лезть, псих?

– Где там компьютер?

Ежилец объяснил, попросив потом открыть подъездную дверь. Олег зачерпнул земли с клумбы и тщательно растёр по ладоням. За неимением перчаток или хотя бы мела сойдёт. Потом рванулся к ближайшему дереву, изогнулся в прыжке, пробежал несколько шагов вверх по стволу, ухватился за толстую ветку, подтянулся и оседлал её. Внизу раздалось удивленное аханье. Повторив трюк несколько раз, Олег оказался на высоте третьего этажа. Выше ветки уже не держали вес тела, поэтому Олег даже пытаться не стал: без разбега ласточкой прыгнул вперёд, ухватился, сделал полукруг над опорой, замер на верхней точке, а потом опустил ноги и уселся на мачте уличного фонаря, торчавшего почему-то из стены дома – как полагается, на корточках, кисти охватывают холодную трубу.

Резко оттолкнулся ногами, взлетел как птица и самыми кончиками пальцев – еле достал – зацепился за подножие нужного балкона. Подтянулся и сиганул вперёд через опорную руку за перила – вперёд ногами.

Вот он и на месте.

Дверь оказалась незаперта. Каспер шагнул внутрь, отодвинув тяжёлую непрозрачную штору. Сразу ударило в глаза, и в уши, и в нос: хаотическим освещением, громкой трансовой музыкой, конопляным дымом и тяжёлым алкогольным духом.

От здорового дискотечного шара, который вращался под потолком, исходили вертлявые блики. Олег машинально коснулся стены – она оказалась покрытой каким-то серым губчатым материалом, явно для звукоизоляции. Комната была огромна, квадратов пятьдесят, будто в помещении снесли все перекрытия. Здесь от души оттопыривались рыл пятнадцать. Кто-то валялся на пуфах, кто-то свисал вниз головой с дивана, кто-то неумело корячился под музыку или просто пошатывался, явно чем-то упоротый. На пуфе перед огромным телевизором – казалось, это просто голограмма рядом со стеной – возлежал с шаловливой рукой в ширинке заинтересованный дрищ. На экране беззвучно двигалась какая-то очень изобретательная 3D-порнуха. А по соседству прямо на полу лениво совокуплялась парочка.

Притон как он есть.

Брезгливый от природы Каспер двинулся к выходу из комнаты. По пути ему сунули в нос кружку с явно палёным бухлом, пару раз попытались заблевать или повиснуть на шее. Тощая развинченная девица предложила какую-то Матрёшку Сью. Дойдя до входной двери квартиры, Олег нажал на кнопку видефона. Через двадцать секунд в проёме нарисовалась наглая и довольная рожа Ежилеца.

– Ну ты и ловкач! – он уважительно похлопал Олега по плечу и потянул к правой двери. Навстречу вышел Папаня с початой бутылкой, который, увидев компаньонов, сначала недовольно скривил рожу, а потом махнул рукой и ввалился в противоположную комнату, хлопнув на прощание дверью.

В полумраке, освещаемом только дисплеем (тоже как будто голографическим), Ежилец плюхнулся в кресло и вопросительно посмотрел на собеседника.

Олег сообщил, что намерен продиктовать экс-программисту некий код, а от того требуется без ошибок вбить, скомпилировать и запустить на исполнение.

– Прямо наизусть? Чувак, ты похож на человека, который шарит в программировании. Да и на гения, способного запомнить тысячи строк, не тянешь...

Олег тоже не был уверен, что вспомнит всё, что полночи бубнила ему на ухо Элиса, но отступить было некуда, да и попытка не пытка. Поэтому он улёгся на кушетку, которая весьма кстати оказалась рядом, закрыл глаза, сказал «сим-салабим» и принялся монотонно диктовать. Послышалось удивлённое щёлканье клавиатурой.

Дело продвигалось ладно и быстро, пока, уже ближе к концу, Ежилец вдруг не хлопнул себя по лбу и не сказал поднявшему вопросительную бровь Олегу:

– Совсем забыл! Щас, я мигом. Только звоночек сделаю.

Вернулся совершенно довольный собой, бросил что-то про семейные обстоятельства, подмигнул Олегу и снова уселся за компьютер. Они продолжили с того места, где прервались.

Треск дерева и грозные вопли вырвали Олега из полудрёмы, в которой губы отдельно от мозга бубнили код. Каспер вскочил и уставился на закрытую дверь. «Всем мордой в пол и не двигаться» – пророкотало снаружи.

– Сдала нас какая-то сука! – прохрипел Ежилец, метнулся к окну, распахнул и вывалился наружу. Олег удивленно выглянул на улицу – тощий верзила как стремительный таракан полз, перебирая руками по карнизу, в противоположную от балкона сторону. Добрался до водосточной трубы – вот она, оказывается, где – и съехал вниз.

Там практически на четырёх костях удалой говночист стремительно сквозанул в щель между домом и какой-то хозпостройкой и был таков.

Повторить подвиг Олег не успел. Ему с хрустом вывернули руки, бросили на пол и напоследок наградили чудовищным пинком под рёбра.

В груди взорвался ком боли, и перед тем, как зажмуриться, Олег успел только разглядеть сине-белый треугольный камуфляж на могучей ноге с чёрным матовым наколенником. Лицо Олега оказалось в медвежьей хватке чёрных перчаток, голову развернуло с хрустом. Над ним нависло треугольное рыло антрацитового шлема с чёрными очками. Перчаточные пальцы отдрали лейкопластырь с его щеки:

– Есть прыгун. Совсем зелёный.

Толкаемый вперёд носорожьей силой, Олег даже не видел своих мучителей, топавших сзади гулко и бамко – будто сваи заколачивают. Под мелькание стен, лестниц и подъездных окон он слышал только стрекотание безжизненного голоса в рацию: «Взяли рябого прыгуна. Везём. Отбой».

Боевым построением (Олег в центре, по бокам амбалы – фиксируют руки, позади еще один – держит на прицеле) направились к машине, похожей на древний «Фалькатус», если бы его изваял из матового пластика декоратор какой-нибудь фантастической киноленты. «Особое мнение» подойдёт.

Самое время было валить отсюда, но что-то подсказывало: поспать (то есть, на самом деле проснуться) ему ещё долго не дадут. Если вообще позволят забыться – у ЭТИХ есть свои способы держать человека в сознании. Только билось в голове отчаянное: совсем чуть-чуть не успел! Самую капельку! Перед глазами стоял светящийся монитор с развесистым древом машинного кода и моргающим словно в замешательстве курсором. И хмурила мультипликационную мордочку – очень недобро – воображаемая Элиса.

Навстречу процессии по тротуару, глубоко погружённая в мысли, изящной походкой шла невыразимо красивая огненно-рыжая женщина в чём-то лёгком, пастельном, струящемся. Олег не обратил внимание на детали, потому что увидел: красоту антично очерченного лица портило созвездие оспин на правой щеке.

Олег понял, что вот-вот случится страшное, стоит только амбалам, занятым его скромной персоной, бросить на женщину случайный взгляд. Решение пришло сразу.

Дальше случилось несколько очень стремительных событий.

Каспер с силой наступил пяткой – чтоб больнее – на крепкий, но всё же не бронированный берц левого амбала. Тот ойкнул.

В следующую секунду, падая мордой на асфальт, с моментально отбитым, будто чечёткой, ливером, Олег успел рассмотреть калейдоскоп выражений на лице прекрасной незнакомки: недоумение, узнавание, ужас и, наконец, благодарность.

На скамейке броневика, сидя напротив подёрнувшихся дымкой живодёров, Олег лихо радочно думал: почему не прятала лицо? Откуда его знает – ведь точно знает? И главное – кто она? Ощущение, что этот человек ему, Олегу, не посторонний, не проходило.

Ответов не было. Олег попытался деликатно потерять сознание, чтобы выдернуться в свое время из ненавистного *осознания* – но ему тут же ткнули в морду нашатырной тряпкой, и Каспер поневоле пришёл в себя.

Машина плавно покачивалась на ходу. Насекомьи шлемы не спускали с него глаз.

У левого застрекотало из рации на плече. Олег слов не разобрал, но амбал выслушал доклад, а потом наклонился вперёд и что-то пролаял водителю. Машина резко, юзом, развернулась и покатила в другом направлении. Передумали везти, куда собирались?

В банальном до оскомины помещении: стол, стулья, кабинетная обстановка, портрет незнакомой, но очень надутой державной морды на стене – сидели трое. Олег в наручниках, Умильный Коротышка³³, потирающий руки. Был он стар, плешив, весь в пигментных пятнах – и при этом милый как любимый дедушка. Гостеприимный и благодушный. Третьим был амбал, который нависал над пленником горной грядой.

– Приветствую вас, Олег Анатольевич. А вы возмужали. Да-с, возмужали. Эх, двадцать четыре года прошло. Рад вас видеть. Надеюсь, мы договоримся.

– Пошел на хер, обмудок старый, – устало ответил Олег. Ему хотелось, чтобы это бесконечное осознание, наконец, закончилось. Ему было плевать, что этот особист его откуда-то знает.

Амбал хотел уж было припечатать сверху утёсом, но был остановлен властным жестом артритной руки.

– Что ж вы так грубо, Олег? Боец, снимите с него наручники. Хорошо.

Звякнуло железо.

– Вы что-то плохо выглядите, – Коротышка встал из-за стола и подошёл к пленнику, – У вас, признаться, вид человека, который ничего не понимает. Секундочку.

Он потянулся к щеке Олега, заклеенной пластырем. Тот дёрнулся. Утёс совершил неуловимое движение, даже непонятно, что сделал, но Олег оказался заблокированным – точно в обвалившейся пещере.

Коротышка сдёрнул пластырь:

– Всего две оспины! Да вы совсем зелёный. Олег, а вы вообще осознаёте, что с происходит? Понимаете, кто вы такой?

³³ Читатель уже знает этого персонажа из главки «Гримёр падает на хвост».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.